

Забег на длинную ДИСТАНЦИЮ

Марик Лернер

Марик Лернер

Забег на длинную дистанцию

«Автор»

2011

Лернер М.

Забег на длинную дистанцию / М. Лернер — «Автор»,
2011

Каждый хоть раз в жизни задумывался: «А что если бы?» Если бы я пошел другой дорогой, устроился на другую работу или женился на другой женщине? Как бы изменилась моя жизнь? Но это мелочи. А вот если бы заранее знал про перестройку и ее последствия, смог бы изменить свою жизнь кардинально? Им повезло. Они знают, и делиться с окружающими своим знанием не собираются. Использовать для себя, но и помочь людям, не привлекая официальные организации. Ведь если продемонстрировать подобные возможности, компьютер просто отберут наделенные властью и считающие себя более компетентными. Вот только гладко было в мечтах, да в реальной жизни имеется множество сложностей. Если ты вмешиваешься в происходящее, ты невольно влияешь на окружающих. Если меняешь кардинально, далеко не всем придется по душе твои действия. Но хуже всего, ты и сам вынуждено меняешься.

© Лернер М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

1982 г	5
1984 г	24
1986 г	40
1988 г	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Марик Лернер

Забег на длинную дистанцию

1982 г

Английская компания Sinclair Research Ltd представила 8-разрядный домашний компьютер ZX Spectrum один из наиболее популярных компьютеров в Европе в 1980-е годы.

Никому в Союзе не известная новость.

* * *

Андрей лежал на кровати и лениво перелистывал старую «Юность». Все раньше как-то руки не доходили. После возвращения из армии он жил крайне насыщенной жизнью, не оставляющей времени на чтение. Утром на работу, чинить чужие машины. Совсем не плохое занятие и по нынешним временам, человек с нормально приставленными руками, многим необходим. Запчастей-то достать всегда сложность изрядная, вот и любят специалистов автовладельцы.

Ясное дело, молод он еще, на то есть Пахомыч, чтобы объясняться с хозяевами и лупить с них лишнюю десятку, но и так тоже неплохо. Всегда, кроме официальной зарплаты, еще не меньше, сверху запросто получить. Так что у них взаимовыгодное разделение труда. Гайки крутит Андрей, намеки делает Пахомыч. Кто желает быстро и качественно, вынужден накинуть. Он же и со складом договаривается и с начальством. Дележка не пополам, а по справедливости. Каждому свое. Придет время, будет и побольше. А пока, как в армии. Молодому положено трудиться и смотреть в рот дедушке. Не все приходит мгновенно. Пару лет покрутиться, наработать опыт и знакомства, и можно уже по-другому разговаривать. Хотя Пахомыч не жлоб. И покажет, и подскажет, и с людьми знакомит. Еще бы не пил, прекрасный человек был бы. А так...

Вечером еще в секцию дзюдо. На городских соревнованиях второе место среди юношей до восьмидесяти килограмм. Даже ежемесячную спортивную стипендию предлагали, но это ни к чему. В чемпионы ему не попасть, хватает ума, оценивать себя без преувеличения. На Олимпийского победителя не тянет. Да и злости спортивной не хватало. Не было желания всех порвать на британский флаг. Остаться лет через пять у разбитого корыта и без приличной профессии, желания не имелось ни малейшего. Тем более что бы Андрей из себя не изображал для знакомых, но с далекого детства имелась в голове четкая мысль – матери надо помогать. О будущем необходимо размышлять заранее.

Папашка испарился в неизвестном направлении, когда ему еще и пяти не было, и с тех пор не появлялся. Даже алиментов никогда не слал. Повзрослев, он понял, что вторую беременность мать организовала специально, в тщетной надежде удержать отца. Делиться догадками с ней не стал, только обижать, но его ситуация вполне устраивала. Какой ни есть, а вышел у него очень приличный брательник. Руки у него тоже были нормальные, сам его учил когда-то любимым инструментом пользоваться, но еще и имелись очень приличные мозги. Павел был гораздо умнее и, не признавая это вслух, Андрей в душе всегда это знал. Совершенно не обидно. Одному от рождения мозги, а другому морда лица, на которую все девки западают. Если еще мускулы показать, тут уже оценки в школьном табеле и не важны.

А вот младшему дорога в институт, нечего ему делать на производстве. Андрею и в детстве соображал, что поднимать двоих на обычную зарплату учительницы большая проблема. Вот и вырос таким приземленным, заинтересованным в материальных благах и с единственным ограничителем в жизни – семья в первую очередь. Остальные ему были до того самого места, и даже друзей не имелось. Всех оценивал с точки зрения пользы. Приятели, да были. Но такого, чтобы ночью побежать по первому зову? Это только для дома.

Еще малолеткой возился с Павлом и менял ему пеленки не хуже матери, а потом воспитывал, кормил, варил, ходил в магазины и чинил все в доме, заменяя отсутствующего мужика. И было у него на свете всего двое – мать и брат. Только мать он давно воспринимал несколько иронично и уже лет в пятнадцать сам отдавал ей указания, а не в обратном порядке.

А кроме работы и спортивной секции, он ночью еще регулярно шлялся в женское общежитие. Ну, как без этого? Парень молодой, интерес соответствующий. В полном расцвете сил. На вид вполне симпатичный. Если не через вахтера, а напрямую, в окно, никаких трудностей.

– Помоги, – попросил Пашка.

Андрей сел и бросил журнал в сторону. В их комнате и так не было места. Две кровати, купленные еще стародавние времена, письменный стол и шкаф, загромождали все пространство. Теперь на столе и прямо на полу, возвышалась маловразумительная куча разнообразнейших приборчиков, соединенных множеством проводов и просто отодвинутых за ненадобностью в сторону. Пашка оттуда что-то вынимал и приспособливал к своим идеям. Старый телевизор выглядел привычно разве что с виду. Внутри много чего появилось нового.

– Что делать-то?

– Провода подсоедини, – дал указания тот. – Чтобы я не лазил.

Андрея произвел необходимые действия. Ничего сложного в прикручивании концов кабелей не было, а читать надоело. Посмотрел на брата и опять завалился на кровать, подбрав «Юность». Еще страница.

Так... Что мы имеем... Борис Васильев. «Великолепная шестерка». Хорошо написано, но неприятно. Остается ощущение вселенской безнадеги. Таким образом, один хрен, еще никого воспитать не удалось. Если пацан не понимает последствий или знает, что ему ничего не будет, еще и не такое отколет. Особенно в компании.

Он криво усмехнулся. Лет в шестнадцать чуть не загремел в колонию. Тоже вот так... В компании. Это как же сказать: «Не буду» или «боюсь»? Да ни в жизнь! Твои друзья-товарищи смотрят презрительно. Хорошо еще вовремя сообразил и отвалил в сторону. Доразвлекались. Тяжкие телесные повреждения. Не абстрактные кони, а вполне конкретный человек. Он на инвалидность, они за решетку. И как за задницу взяли, сразу друг на друга вину начали сваливать. Куда там дружба и прочие обязательства. Моментально скисли и слезы с соплями потекли. А мог и сам там оказаться. Если бы сразу не решил – так дела не делаются. И в такой компании тоже. Приятно лишнюю копейку легко получить, но слишком опасно. Пусть дураки на улицах пьяных прохожих трясут. Деньги надо делать чисто.

Ну да Шило всегда был с придурью, но остальные двое, каким местом думали? Компания! Как все, так и я. Нет уж. Как все, он не будет. И жить будет по своим правилам. Когда все, кроме твоей семьи – враги и верить нельзя никому и никогда. Так легче. Если обманут или не выполнят обещания, так ничего другого и не ждал. А если все исполнится, так и повод для радости.

Во всем, что происходит с тобой, ты виноват сам. Это твои решения и поступки. А на мысли окружающих наплевать. Успешному будут завидовать, над неудачником смеяться.

Бескорыстно никто не пошевелится. Все исключительно на: «ты мне – я тебе» живут. На собраниях высокие слова талдычат, а сами только про себя и думают.

– Работает! – восторженно сказал Пашка.

– А ты надеялся, что не будет? – удивился Андрей. – Я в тебя верю. Схему нашел, старался. Сколько время убил? Пол года? Глядишь, и польза будет.

– Издеваешься, – уверенно сказал Пашка.

– Маленечко. Я для чего старался? Для тебя? Нетужки. Ты обещал качественные игрушки. Пиф-паф и все такое. Ты не представляешь, какая это завлекаловка для девочек!

– Пиф-паф? – с сомнением переспросил Пашка.

– Девушки, тоже люди, – твердо заверил Андрей.

– Ну, ну...

«Пора приступать к половому просвещению? – подумал Андрей. Не порядок. Парень уже школу заканчивает, а представление о женском поле у него исключительно теоретическое. Стесняется. Это дело на самотек пускать не стоит, а то первая же стерва, начнет вить с Пашки веревки. Есть вещи, для которых и существуют старшие братья. Надо свести с подходящим экземпляром. И не с шалавой какой. Чтобы научила как нужно. В первый раз всегда важно. Заодно и уверенности в себе прибавит. Обязательно только ненавязчиво все это проделать. Вроде как само собой. Хороший предлог будет, этот самый компьютер. Под это дело, кого угодно притащить домой можно, и он не удивится».

– Где ты взял плату? – удивленно спросил Пашка.

– Да где я все брал. Мужуку новый бензонасос, а он деталь принес. Точно, как ты просил. Я проверил. А в чем дело? – присаживаясь рядом на корточки, спросил Андрей. Второго стула в комнате все равно не было, а идти за ним в лом. – Мда, – сказал он, обнаружив на экране надпись по-английски. Какой язык сомнений не было, но не особо отягощенный вынесенными из школы знаниями, Андрей ничего не понял.

– Спрашивает, не желаю ли записать программу, – объяснил Пашка, не дожидаясь вопроса.

– А мужик-то с номерного завода, – задумчиво сообщил Андрей. – Электроника всякая. Фиг его знает, где упер. Будем бояться наличия Военной Тайны или посмотрим? Если что, просто выкинем и сделаем вид, что никогда не видели.

– Если придут, лучше пусть лежит, – пробормотал Пашка, что-то нажимая. – А то в натуре потащат в КГБ. А так, ничего не видели. Отпаяю и в общую кучу. Но раз уж так вышло, как не посмотреть?

Они дружно рассмеялись.

На экране сменялись какие-то английские надписи. Павел продолжал нажимать снова и снова. Потом возникла белая заставка. Прямо посередине экрана надпись Яндекс. Окошечко и рядом «расширенный поиск».

– И что сие значит? – спросил Андрей. – Яндекс как переводится?

– Понятия не имею. Зато все остальное очень хорошо понятно. Забиваешь вот сюда, – стуча по клавишам, говорил Пашка, – «Рассвет И9.22». Он должен дать описание. Если оно имеется. А если нет, значит, нет.

Андрей невольно хохотнул. Надпись на экране под справочным окошком гласила: «шестьсот двадцать две ссылки».

– Ничего не понимаю, – почти застонал Пашка, проверяя очередную ссылку. – Это военная разработка и делал я практически точно по схеме. Нет в открытом доступе! А ты посмотри! Они пишут про старье и смеются!

Он снова застучал по клавишам, забывая вопрос. Появилась длинная статья.

«Вряд ли есть смысл рассматривать все модели, которые разработаны и произведены либо в единичных экземплярах, либо небольшими сериями, и увидеть их можно только на

выставках либо прочесть о них сообщение в газетах ("Микроша", "Электроника КР-01", «Гранат», "Львов", «Сура», "Вектор", «Апогей», "Криста" – все они 8-разрядные на процессоре типа 8080; или «Немига», "Нейрон", «Ассистент»; "Микро-16" – на процессоре типа 8086). Остановимся на тех ПК, которые условно можно считать массовыми. Это «Электроника-85», "ЕС-1840", «ЕС-1841», "Искра-1130", «Корвет», "Агат" и «БК-0010» Даже самые надежные из них не выдерживают никакой критики. ПК индийские, тайландские, болгарские, из ГДР – все пользуются репутацией более надежных», – прочитал Павел плачущим голосом и нервно выругался.

– Паша, – сдавленным голосом прошептал Андрей, – ты глаза разуй! На даты посмотри!!!!

– А! – облегченно вздохнул тот. – Это шутка такая. Программисты они дебилы! Игряются. Друг перед другом понты кидают. Какой нахер 1997 год? Он встал и, бормоча под нос про то, как удавил бы гадов, отошел от стола.

Андрей быстренько приземлился на стул и начал одним пальцем выстукивать слово в поисковом окошке. Развлекаться, так по полной. А вдруг еще, что интересенькое имеется?

– Сигареты надо свои иметь, – почувствовав запах, указал он, не оборачиваясь. – Молодой ишо. И в форточку давай, дыми... Хм, – пробурчал он сам себе, – а если вот так? Я тебя сучка уломаю. Не родилась еще машина, которая меня объегорить сумеет.

– Ты зачем кабель воткнул в телефонную розетку? – недовольно завопил у него за спиной Пашка.

– А что не надо было? – не поворачиваясь, спросил Андрей. – Там, на конце провода, как раз разъем подходящий, я думал именно для этого... Э! Ты что сделал?

– Отсоединил!

– Экран погас. Давай быстренько на место! Вот, – удовлетворенно заявил через некоторое время, – совсем другое дело.

Он возобновил нажатие одним пальцем клавиш.

– Нет, – воскликнул обиженно, – я так не играю! Что значит, на следующих соревнованиях меня нет?

– Андрюха, – сказал брат, подойдя сзади, постучал его по голове, – ты что сбрендил? Откуда этим шутникам точно выяснить, кто какое место займет, и кто вообще приедет на соревнования?

– А прошлогодние есть! Вот он я!

– А прошлогодние могли и вставить. Ты еще скажи, что это все по телефонному кабелю приходит!

– Понятия не имею, как именно приходит, но хранить столько информации просто негде. Я в этих делах ни черта не понимаю, но посмотри. Вот это называется Олайн Энциклопедия.

– Онлайн! Через «Н». Написано ж по-русски.

– Да хоть аброкодабрский кладезь премудростей. Что в лоб, что по лбу. Я пять минут стучу и здесь информации на городскую библиотеку. Вот, посмотри... Минут десять он непрерывно тыкал в самые разные ссылки бессистемно. – Какой дурак, ради шутки будет столько страниц забивать. И юморят они над кем? Над нами или такими же дураками? Смотри!

Он набрал в поисковом окошке СССР. Выскочила большая статья. – «Государство, существовавшее с 1922 года по 1991 год в Европе и Азии».

– Это уже пахнет антисоветской агитацией, – серьезно сказал Андрей. – Очень дурно пахнет. За такие шутки пробкой с работы вылетают. Посадить в наше время может, и не посадят, но работать программисту дворником. И ради чего старались, чтобы толкнуть посторонним пацанам, вроде нас? Провокация империалистов или страшная рука КГБ?

– Мальчики, – сказала, открывая дверь мать, – вы что ссоритесь?

– Нет, мама, – одновременно ответили оба и переглянулись. Объяснять происходящие странности их совершенно не тянуло. Матери всегда сообщали о «полном порядке», не желая вовлекать в свои дела. Глаз подбили или брюки порвали, все это прекрасно решается без взрослых.

– Рабочий момент, – бодро объяснил Андрей, – выясняем, что и куда припаивать. Если что, я просто дам младшему по шее. А ругаться мы не станем.

Пашка пихнул его в бок острым локтем.

– Ну, ладно, – с сомнением согласилась она. – Я спать, уже двенадцатый час, а вы не засиживайтесь слишком поздно.

– Спокойной ночи, – сказали братья хором.

– И какие мысли по этому поводу? – дождавшись пока дверь, закроется и, понижая голос, поинтересовался Андрей.

– Чудо! – дурашливо воскликнул Пашка, – нам поступает информация из будущего. По телефону. Напрямую о Бога. Уж очень мы ему показались. Хм... праведники. Он хохотнул. – Ты в особенности. Прелюбодей. Или еще лучше. Инопланетяне ставят эксперимент. Как поведут себя подопытные земляне? Засуетятся или просто и грубо пойдут водки выпьют. Ты можешь понять, что это бред?! Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

– Нам это снится? – с сарказмом спросил Андрей.

– Я не знаю, что происходит, но в такое поверить невозможно. СССР развалился. Ага! Еще чего. Скорее уж, действительно, провокация. Скопировали что-то на Западе, а твой мужик спер государственное имущество. Как бы к нам не приехали добрые молодцы в погонах, без всяких шуток. Не отделаемся общественным порицанием.

– Не вздумай ничего трогать без меня. Я быстро, – приказал Андрей и вышел.

Пашка посидел, задумчиво глядя на экран. Потом торопливо набрал «Павел Николаевич Еременко» и ударил по клавише. В ссылках такого индивидуума не находилось. Вернее был и не один, но даты рождения не соответствовали.

– Ага, – сказал Андрей, ставя на стол бутылку, два стакана и парочку бутербродов с докторской колбасой. – Ты пошел моим путем. И как?

– Нет.

– Ничего не значит. Я себя тоже не сразу обнаружил. Программа тупая или мы искать не умеем. Просто на имя и фамилию можно триста миллионов ссылок найти. Не какой Кацнелбоген. Будешь до скончания века проверять. Заходить надо с конкретной информацией. В сочетании. Фамилия – соревнования. Или фамилия – школа. Или фамилия – место работы. И то не факт. Через школу я себя тоже не нашел.

– Гм? – вопросительно замычал Пашка, – с одобрением глядя на приготовления на столе.

– Садимся на кровать, – предложил Андрей, – отмечаем событие. Мысль про выпить, мне показалась стоящей, – объяснил он. – Как бы не повернулось в будущем, но это самое интересное в моей жизни приключение. Тут не морды надо бить, а хорошо думать. Тем занимательнее и любопытнее. И поскольку, – сказал он, наливая грамм пятьдесят брату, – ты к этому имеешь отношение, оставить за бортом никак нельзя. Курить уже куришь потихоньку, пора переходить к следующей стадии. Молодца! Закусывай, – подвинул он бутерброд. Кстати, имей ввиду. Если про курение я молчу, то если поймаю серьезно поддатым, будешь у меня плакать. Это ясно?

– Абсолютно, – показывая пустой стакан, подтвердил Пашка.

– Еще по полста и ты тоже идешь спать.

– Ы?

– Без всяких «Ы». Это приказ. Завтра ты мне нужен в нормальном состоянии и с мозгами на месте.

– Все-таки надеешься? – без улыбки спросил Пашка.

– Надежда – это муть. Чудо – это муть. Инопланетяне с чертом тоже муть. Мы договор кровью подписывали? Нет. Максимум что случится, заберут доступ к информации с концами. Обидно, но раньше без нее жили. Поэтому думаем головой и очень хорошо. Если это будущее, сколько с него можно поиметь. На то и мозги, чтобы ими шевелить. Нам что нужно? Четкое подтверждение, что информация правильная. Не дошло? – после паузы переспросил.

– Нет.

– Марк Твен. «Янки при дворе короля Артура».

– Там было солнечное затмение, – старательно поискав в памяти, доложил Пашка. – Как это может быть подтверждением будущего? Планеты как ходили, так и ходят. Даже справочники специальные есть. Большая сложность вставить про будущие.

– Затмение тоже муть. Это был просто пример, как четко выяснить время. Идти надо от простейшего, но что подделать никак нельзя. Там, в нашем черном ящике, где неизвестно откуда берется информация, биографии множества известных людей. Даты рождения и смерти. Вот так, – откидываясь назад к стенке, уверенно сказал Андрей. – Берем двух-трех для контроля, умерших в ближайшее время и ждем. Это уже доказательство. Я посижу, поковыряюсь, а ты давай иди спать. Все. На сегодня концерт закончен, – отбирая стакан, пояснил он.

* * *

Рано утром Павел сел на кровати, проснувшись от прохлады. Андрей стоял у открытого окна и курил. Поэтому и несло неприятным холодным ветерком. На его кровати одеяло так и лежало не смятое, как вечером. На столе стояла пепельница, забитая окурками до краев. Раньше он никогда так много не курил. Все-таки спортсмен. Дыхалку берег. Разве иногда, под настроение. Как в репризе. Если не курить, выпив, то бессмысленно тратить здоровье.

– Андрюха, ты, что до сих пор не ложишься?

– Знаешь, – выбрасывая окурки в окно, сказал тот, – я никогда не был особым любителем чтения. Но это что-то! Как сел, так и встать не мог. Слишком много сразу. И ссылки эти завлекательные. С одной переходишь на другую, и конца этому нет. Сидишь, как приклеенный и только пялишься в экран. Только сейчас, почти насильно, заставил себя бросить. Там копаться надо месяцами, и четко зная цель. Иначе просто тонешь в лавине всякого мусора.

– Нашел? – зевая, спросил Павел.

– Это называется Интернет. Система, обеспечивающая получение информации практически со всего мира. Я даже запомнил. Как там это... Он поднял глаза к потолку и заученно выдал: «Активную роль в разработке и стандартизации сетевых протоколов играл Джон Постел. 1 января 1983 года сеть ARPANET перешла с протокола NCP на TCP/IP, который успешно применяется до сих пор для объединения (или, как ещё говорят, «наслоения») сетей. Именно в 1983 году термин «Интернет» закрепился за сетью ARPANET.

– Ты даешь! – с восхищением воскликнул Пашка. – Как стихи – наизусть. А как расшифровывается ARPANET?

– Понятия не имею. Для нас роли не играет. Не дошло? Это еще только будет в следующем году! Не существует сегодня такого термина – Интернет. Никто ни сном, ни духом.

Андрей криво усмехнулся.

– Мы должны договориться, – помолчав, сказал он. – Пашка – это не игра. Никто, никогда, ни при каких условиях, – выделяя каждое слово, сказал Андрей, – не должен узнать об этом. Понимаешь? Никому!!!! Если это правда, нас убьют и глазом не моргнут. Гэбэшники,

црушники, менты, бандиты... Кто угодно. Нас, мать, любого, про кого будет тень подозрения, что он мог что-то видеть или слышать. Это не игра! – повторил он со злостью.

– Да в чем дело-то?

– У нас сейчас апрель, – очень спокойно поведал Андрей. – Десятого ноября умрет Брежнев.

– Твою мать, – ошеломленно пробормотал Павел.

– Дать бы тебе по губам. Она и твоя.

– Ой, не цепляйся. Я ж не то хотел сказать. Он подумал, прикидывая. Покрутил ошеломленно головой, увидев перспективу. – Это ведь власть. Знать такое – это играть против слепых. Не для нас. Кто мы такие? А вот для... Ты прав. Проще сразу повеситься. Там же не только Брежнев. Будет драчка за место, а ты уже знаешь, кто следующий.

– Там четко на пятнадцать лет вперед. В полночь сменилась дата. Появились новости уже следующего дня.

– Ты настолько поверил? Уже?

– Никто не может создать столько бессмысленной информации. Это уровень государства. Но ему это ни к чему. Не будет никто прикалываться столь оригинальным способом. Проверка необходима в любом случае. Но это уже дело, – он махнул рукой, – элементарное. Я нашел выигрышные номера Спортлото до 1986 года. Все тиражи. Пять из тридцати шести и шесть из сорока девяти. Как ты относишься к большим деньгам?

– Хочу свою комнату, – мгновенно выпалил Павел. – Мне уже не три годика. Надоело в тесноте, и постоянно нюхать твои носки.

– Почему комнату? – делано удивился Андрей. – А квартиру? Приобрести кооператив. Как раз выигрыша хватит. Вот только на этом легче легкого проколоться. Два-три раза выигрывает один человек, и доблестные органы заинтересуются обязательно. Все необходимо хорошо продумать. И, – он посмотрел на брата и показал кулак, – ничего не совершать не посоветовавшись. Ты и я. Все. Больше никто. Что с нами сделают за доступ к такой информации, как получение денег совершенно законным путем? А за сообщение о том, что в июне начнется очередная война на Ближнем Востоке? Любой разведчик, любой страны, отдаст что угодно, за подробности, которые через пятнадцать лет свободно выбалтывают. Нам к политике, в ближайшие годы, даже близко подходить нельзя. Это не просто опасно – это убийственно опасно.

– А пойти и отдать? КГБ, Политбюро... Черту на палочке?

– Во-первых, ни за что. Почитаешь потом про историю нашей страны в ближайшие годы, обсудим. Я ведь успел едва-едва по верхам пробежался, но совершенно не тянет меня даже и без этого, такие подарки дарить высокопоставленным товарищам. Данные из будущего, для государства – это путь к Третьей мировой войне.

Знание, что будет и в каком виде, до добра не доводит. Получив серьезный перевес его, непременно употребят в дело. Все это хорошо до определенного предела, а потом очень возможна неприятная реакция с той стороны. А мне ядрен-батон на голову не нужен. Я жить хочу и причем неплохо.

Во-вторых, нас все равно, с большой вероятностью кончат. Или будем сидеть, в самом лучшем случае, на трехстах рублях с тринадцатой зарплатой и всю жизнь с топтунами за спиной, чтобы лишнего не болтали. Зачем мне такое благоденствие, когда можно заработать миллионы?

– Ты того, не заговариваешься? Миллионы.

– Помнишь статью про СССР? Союз развалится. Настанет капитализм. Будет очень хреново и много крови. Имея в кармане сведения о будущем, можно сыграть как шулер. Все карты на руках. Главное, чтобы тебя не поймали и не дали канделябром по башке. Все тщательно планировать и не болтать! В первую очередь не болтать! Во вторую, никуда не

спешить. Все проверить. Он усмехнулся. – Похоже, меня потому и нет на соревнованиях. Я сильно буду занят. Составлением планов на будущее. На нас свалился шанс сделать другую жизнь. Это работа не на день и не на два – на годы. Тут не стометровка – марафон. Хорошо подготовиться и никуда не торопиться, а то сгорим на втором километре.

– Ты решил. А мое место где?

– Одна голова хорошо, две лучше. С кем еще советоваться и кому доверять, если не родному брату? Я ничего не делаю без тебя, ты без меня. Только вместе. А вот трое, уже перебор. Третий лишний. Даже матери знать не надо. Она такая... сильно правильная. Парт-организация нам совершенно излишняя в деле объегоривания всего мира и окружающих, в частности. Согласен?

– Да.

– Вот и хорошо, – с облегчением вздохнул Андрей. – Идем дальше. Работа и учеба не отменяется. Все должно быть, как было. А дома начинаем заниматься своими делами. Я планчик набросал для начала. Он достал из кармана смятую бумагу и с выражением прочитал:

1. Проверить, будет ли работать от другой телефонной розетки. Может его переносить нельзя. Хорошо мне в голову стукнуло протянуть телефонный провод в комнату, беседовать без матери хотелось. Ты понял, нет, я ж сам розетку ставил и соединение слепил, может оно в других местах не подойдет или напрямую соединять требуется. Тогда придется с новой квартирой попрощаться. Вместе сделаем проверку. Один на шухере постоит, пока у знакомых проверять будем.

2. Сделать еще один компьютер. Точно такой же. Молния в одно место два раза не попадает, но повторить опыт для гарантии не мешает. Твоя задача.

3. Поменять все детали по очереди на аналогичные. Точно выяснить, откуда наводка идет. Это тоже для тебя.

4. Отсюда важно найти того же мужика с его платами. Все остальное из обычного ширпотреба. Не из старого же телевизора эта радость. Это уже мне.

5. Искать важные подробности будущей жизни. Ключевые моменты. Сделаем график доступа и обговорим, кто и чем занимается, чтобы не пересекаться и не мешать друг другу.

6. Дискеты нужны в большом количестве. Регулярно сбрасывать туда все интересное. Даже если завтра все кончится, останется информация. Лет через пять-семь, купить компьютер не будет никаких проблем.

Пока все. Вопросы, предложения есть?

– Нет, командир!

– Тогда вставай и умываться. Пора жратеньки и на работу.

Андрей потянулся и надавил голосом:

– Марш-марш! Думать можно и на ходу.

* * *

Андрей привычно кинул сумку в угол и прямым протопал на кухню. Остановился в дверях, рассматривая чем-то занимающуюся у плиты мать. И ведь не старая еще женщина, но совершенно не обращает на себя внимания. Если на работу всегда ходит одетая по форме, как принято в среде учителей, то дома совершенно не следит за собой. Этот старый халат и растоптанные шлепанцы. Стало жалко, и он подошел, осторожно обняв. Вдохнул знакомый запах.

Мать замерла. Не часто Андрей проявлял чувства, да еще в таком виде. С детства, старательно избегал всяких проявлений нежности, особенно на людях. Уж и не вспомнить с какого возраста, но соседи именовали его «клопом», за размеры, а уже настаивал на своей

мужской роли в доме и стремился ее всячески поддерживать. В глазах окружающих, и в своих, в первую очередь.

– Ты чего? – с удивлением спросил Андрей.

– Взрослые вы у меня уже оба, – вытирая слезы, ответила мать. – Ты-то ладно, всю жизнь маленький мужчинка, но Пашка... Как он сможет отдельно жить? Он же ничего в жизни не понимает! Мальчишка еще...

«Ага, – подумал Андрей, – ребенок. Как, вместо того, чтобы делом заниматься, шарится по подозрительным адресам, изучая картинки голых баб, так вполне взрослый. Хотя, точняк – ребенок. Какой интерес смотреть? Ну раз, ну два. Дальше-то что? Устройство у всех женщин одинаковое. Вот характер и темперамент бывают самые разнообразные. Теоретически это не понять. Надо на опыте познавать и не всегда это приятно. Отшить могут за милую душу. Зато очень полезно. Не будешь ушами хлопать и дурацкие порнушечные рассказы читать. «Он ее страстно обнял, и девушка бурно задышала». Чтобы она среагировала, иногда надо очень даже постараться. А просто ноги раздвигать, ни интереса для мужика, ни особого удовольствия. Разве напряжение скинуть, но это совсем другое».

– Можно подумать он один такой, – сказал Андрей вслух. – Общага дело не сахарное, но уж точно лучше, чем в армию идти. Вон то, школа жизни, которую лучше проходить заочно. Я уже убедился. У нас каждый второй говорил: «И чего я такой дурак служить мечтал?» Потерянное время. Два раза за всю службу на полигоне стрелял. Нечего ему делать в рядах несокрушимой и легендарной. Тем более в Афган загнать могут.

– Да, – сказала мать, отстранилась и неожиданно для Андрея перекрестилась. Он чуть рот не открыл от изумления. Партийная дама, всю жизнь, боровшаяся в школе с проявлением религиозного мракобесия и такие действия. – Не дай Бог! Так оно спокойнее.

– Ты вслушайся, как это звучит: МГУ. Факультет вычислительной математики и кибернетики. Кафедра – Автоматизация систем вычислительных комплексов. Ни хрена не понять, но очень умно.

– Не ругайся, – машинально потребовала мать.

– Это я от восхищения. И потом я представитель самого прогрессивного слоя нашего общества – пролетариата. Он, может, очень передовой, но крайне невоспитанный.

– Пролетариат ты мой, – погладив его по голове, сказала мать. – И чего вы у меня такие разные? Тебе лишь бы подраться, да в железках ковыряться, а Пашка, вон экзамены сдал по такому конкурсу.

Это она сказала с гордостью. Хоть одним сыном, да можно на работе похвастаться. Андрея-то прекрасно помнили в школе до сих пор. Как отъявленного хулигана и троечника.

«Еще бы он не сдал, подумал Андрей. Зря мы, что ли задачки соответствующие скачивали, и он потом решения разбирал? Медаль фигня, там, в Москве, таких приезжих из провинции при поступлении, как собак нерезаных, а подстраховка еще никому не мешала. Преподаватель как увидел результат, да еще в трех вариантах, так от радости чуть не обделался. Другое дело, что мне скачивай, не скачивай, все равно высшая математика – китайская грамота. А ему даже нравится. Так что не жульничество это. У одних репетиторы, у других методички с задачками. Одно другого стоит».

Была неплохая идея еще и выйти на связь с людьми из будущего не засвечиваясь, под псевдонимом, который почему-то именовался в разговорах идиотским словом «ник», но не получалось ни под каким соусом. Оттуда все что угодно. Туда – компьютер отвечал: «Нет связи» и «Возможно, это вызвано техническими проблемами на веб-узле, или требуется изменение параметров обозревателя». Почему поисковые запросы проходят, а сообщения на чаты и форумы нет? Полное отсутствие логики. Или контакт есть, или его нет. Шутники эти инопланетяне.

Может, и к лучшему. Кто его знает, кто отслеживает сигналы. Могли возникнуть недоуменные вопросы. В общей куче не разберешь, откуда очередной вопрос и отслеживать сложно, а начнешь регистрироваться или анонимно надоедать, кто-то обязательно заинтересуется. Выяснили, что двухстороннего контакта не будет? Жаль, но и хрен с ним. Все хорошо в меру. Сколько в жизни замечательных подарков бывает? Одного выше крыши достаточно. А интересно было бы пообщаться с самим собой, но на пятнадцать лет старше. Уж себе глупостей не посоветуешь, и накалывать не станешь.

И вообще... Прекрасно, что Пашка уедет. Что не делается в жизни, все к лучшему. Пацан еще, жизни толком не понюхал. Оторвать от привычного окружения, чтобы искушения не было, лишнее болтать. Перед чужими будет держать язык за зубами, а потом привыкнет помалкивать. Без балды, попадет в уши не тому, и зарежут, глазом не моргнув.

А что не привязаны к одному месту, так это замечательно. Лучше не бывает. Качать можно из любой телефонной линии. Специально проверяли и напрямую подключались. Руки на месте, голова присутствует, никаких сложностей. Информация шла в прежнем виде.

Идиотизм. Из советского телефонного кабеля поступает напрочь антисоветское будущее. Один «Кавказ центр» чего стоит. Всех бы уродов убил! Твари! Русские им не нравятся. Плохо они жили при коммунистах. Тащили за шиворот от баранов в нормальную жизнь и строили заводы. Насмотрелся в армии через забор и в самоволках, насколько зажиточнее на Кавказе существуют. Россию так никогда не снабжали.

Что они имеют дело именно с будущим, давно сомнений не было. На работе он умудрился поспорить на результаты чемпионата мира по футболу. Подкинул идейку болельщикам и создали нечто вроде тотализатора. По рублику-три с носа. Ничего страшного, но на коллектив уже приличная сумма набегала победителю. Миллионы от этого не свалились с неба, но сумма вышла вполне солидная для их семьи. Пару раз специально проигрывал, чтобы разговоры не пошли, но все равно остался с хорошей прибылью. Впрочем, он ее зажал, из очень определенных соображений и не стал говорить даже Пашке.

А вот билет лотереи они покупали вместе. Розыгрыш уже совсем скоро. Была идея на будущее. По любому, обнаружив, что Интернет работает не только от их телефонной розетки, но и с любой, они прочно настроились на переезд в Москву. Не сразу, сначала обмен с доплатой. Потом кооператив. Деньги будут. Теперь они были уверены. Не таким способом, так другим. Чисто и без криминала. После очередного обсуждения, легко сошлись на отсутствии при использовании информации любых нарушений закона.

В ходе исследований обнаружилась дополнительная неприятность. Если кто во время общения с Интернетом говорил по телефону, компьютер зависал, и приходилось перезагружать заново. Требовать от матери, чтобы она никуда не звонила или не отвечала на звонки, было бы просто глупо. Приходилось терпеть и работать все больше в ее отсутствие, но это не всегда удобно. У него тоже была работа. Так что свободное время выпадало все больше по ночам. Вечно так продолжаться не могло, но организовать себе отдельный номер, могли разве что на разлагающемся Западе, а не в нормальном СССР. Счастье, что телефон в принципе имелся. Пришлось десять лет ждать своей очереди и бурно радоваться, что не поставили параллельный с соседями.

– Кушать будешь?

– Извини, – отказался Андрей. – Мы в гости идем на день рождения. Хватит Пашке заниматься. Скоро дым из ушей повалит. Пора немного расслабиться. Без пьянки, – твердо заверил, заранее предупреждая возражение. – Я прослежу. Ты ж знаешь, я тоже не очень употребляю – спортсмен. Все будет в самом лучшем виде. Но ждать не надо, вернемся поздно.

Вытащить Пашку из-за стола с компьютером, была еще та проблема. Причем, объяснять заранее ничего нельзя, а идти неизвестно куда, тому совершенно не хотелось. Копаться в Интернете было гораздо интереснее. Обнаружив руководство для «чайников», в котором

пошагово объяснялись действия, он очень быстро освоился и теперь часами сидел на форумах, где обсуждались новейшие программы и методики. Для тех времен новые. Сегодня это было вообще нечто невообразимое. Андрей не мешал и не дергал его без причины. Если брательник сумеет освоить всю эту лабуду, он на пару десятков лет опередит своих соучеников, да и вообще всю замечательную советскую науку. Уж академиком, наверняка, станет еще очень молодым. Совсем не плохой вариант.

Так что он оставил на брата высокие материи и глубокие раздумья, а сам все больше интересовался подробностями девяностых. Даты, имена, даже детали всяческих махинаций. Все тщательно записывал, и тетрадь держал в специальном железном ящике под замком. Еще не хватает, чтобы кто-то случайно наткнулся и заинтересовался. Дискеты в серьезном количестве достать не удалось. Парочка приобретенных по знакомству задачу не решало. Проще было ручкой писать.

Если им суждено дожить до этого веселья девяностых годов, необходимо точно знать, когда испарится «МММ», «Тибет» или еще какая «Властелина» – это прекрасный путь снять немалый навар, ничего не делая и абсолютно не засвечиваясь. Или вот Павловская реформа. Тоже неплохо, хотя и не так много взять возможно. Масса всякого разного лежала прямо на поверхности. Совсем не требуется проводить страшно сложные комбинации с дальними заходами и нарываться на неприятности с серьезными ребятами. В погонах или наколках – это не особо и важно. И те, и другие шутить не любят.

– Куда мы все-таки идем? – спросил Павел.

– Есть интересная мысль, – не отвечая на вопрос, сообщил Андрей. Он пнул валяющуюся на тротуаре консервную банку и удовлетворенно последил за попаданием в мысленно нарисованные на противоположной стороне улицы ворота. – Ты пиратов видел? Ну, сайты, где книги выкладывают?

– Видел, ну и что?

– А то... Он еще не написаны. Берем парочку наиболее интересных, перепечатаем и едем знакомиться с братьями Стругацкими. Они семинар ведут для начинающих писателей. Адреса, имена, даты – все это есть в Интернете. Можно даже взять произведение из этих сборников... «Ученики Стругацких». Им должно понравиться, по мотивам. Не пародия, а развитие идеи. Подобрать оттуда что-то без топтания по советской власти и изобразить молодое дарование. Если напечатают, сразу снимается масса вопросов и про источник денег, и появляется возможность знакомства с нужными людьми. К творческим товарищам у нас в стране относятся трепетно. Все без очереди и без особых сложностей.

– И кто будет изображать молодого талантливый автора? – скептически спросил Пашка. – Мне это не по профилю. Я в жизни не написал ни одного сочинения на вольную тему. Вмиг расколют. А ты три фразы без ошибок не напишешь.

– Это хамское преувеличение, – обиделся Андрей. – Я учился ближе к четверке, чем тройке. Потом машинистка имеется, для исправления грамматики. Где, вообще сказано, что гений должен правильно расставлять запятые? Главное в тему попасть, а отобрать несколько вещей, про которые даже авторы еще не задумались, не великая забота. Там этих книжек, хоть жопой кушай.

– Ты их сначала прочитай, чтобы дерьмо не притаранить для ознакомления мэтру, – логично посоветовал Пашка. – Если издали, совсем не обязательно на пятнадцать лет раньше клонут. Бывают книги, что должны появиться в свое время. Иначе реакции нормальной не будет. Там все-таки не Чеховы с Толстыми.

– Да ну... Привередничаешь. Стрелялки с машинами времени могут пойти на «ура».

– Ага. Антисоветчина голимая. СССР распался, и американцы оккупировали все вокруг. Доблестные партизаны в одиночку пускают под откос поезда. Или еще лучше. Патриотичненько так. Звягинцев. Подменим Сталина на умника из будущего. Мы могли все

исправить и сделать гораздо лучше. А предки наши дубы и тупари. Особенно дорогая КПСС, с ее направляющей и руководящей ролью, прописанной в Конституции. Эти вещи явно до срока не издадут. Облагораживай сколько угодно, вычеркивай и меняй имена на английские, не поможет. Редакторы на таких вещах давно собаку съели и никакой цензор не понадобится. Сразу зарубят за подозрительные аналогии. Потом у разных авторов стиль очень отличается. Не бывает такого, чтобы в одном случае про душевные переживания двести страниц, а в другом бесконечное мудрствование, чем АКМ лучше М-16... Да, честно, мы ж не слишком большие ценители остросюжетной литературы. И без этого хватает. Брать обычную, в принципе нельзя, слишком много расхождений с нашей действительностью. Откуда знать, что хорошо, а что нет?

– По количеству скачивания. Железный показатель.

– Совсем не обязательно. Больше всего скачают книжку под названием «Пятьсот рецептов приготовления самогона в домашних условиях». Андрей невольно хмыкнул. – Там, в будущем, смотрят на продажи. Здесь план на книги заранее расписан и чужаков не пустят. Если когда и придет время, то не раньше перестройки. И то... Гораздо лучше будет открыть издательство и работать с уже прекрасно известными авторами. Вал никому не известных не нужен. А у нас попадание беспроигрышное. А вот самим, в писатели, соваться не стоит. В конце концов, есть самоуважение. Если нейдет, возьми идею и напиши свое. Никто еще не додумался и ты первый. А просто воровать – расписываться в неполноценности.

– А мне идея нравится, – недовольно пробурчал Андрей.

– Послушай, – после долгого молчания сказал Пашка, – а тебе не приходило в голову изменить все это?

– Как?!?! Мы с тобой несколько месяцев читали все эти истории. Разобраться всерьез, годы потребуется. Да, я знаю. Проще некуда. Взять ружье и пристрелить Горбачева. И наступит полное счастье. Очень смешно. Не говоря уже про простую вещь, которую нам всю жизнь объясняли, начиная с детского сада и школы, – роль общества и роль личности, есть чеканная формула: «Низы не хотели жить по старому, верхи не могли». При всей своей тупости советская пропаганда в этом права. Личности появляются, потому что требуются обществу. Оно нуждается в изменениях. Они и раньше были в немалом количестве, но пробиться не могли. Каждому овощу свое время. Идеи не появляются на пустом месте.

Никто не знал и не мог знать, чем это кончится и во что выльется, но вместо Горбачева появится другой. Реформы уже были неоднократно. Сразу после смерти Сталина. И после Хрущева и после Брежнева, даром, что он еще вполне жив в нашем мире. В общем, сразу, как появляется возможность. В ЦеКа все-таки не идиоты сидели, но через определенные догмы переступить не сумели. Это значило делиться властью.

Чуть-чуть ослабили узду, позволив говорить, и все повалилось. Где были КГБ, армия и КПСС? Где был народ, выступающий в защиту старого порядка? Никого. Все хотели перемен. И что, донесения о настроениях народа не шли наверх? Да никогда не поверю!

Самые дебилы на свете руководители были в СССР, – с сарказмом сообщил Андрей, – объясняю:

Во-первых, сами не знали, что хотят.

Во-вторых, сами не верили в то, что говорят.

В-третьих, сами кинулись воровать первыми.

В-четвертых, ну это уже второстепенное, кормили и вооружали всех этих... заграничных социалистов, целуясь с ними в засос и ничего не имея ответно. Голосование в ООН? Так куда бы делись, если бы не дарили, а продавали? За долги бы отработали за милую душу. А так... Миллиард туда, миллиард сюда, а про свой народ как-то не очень думали.

Возможно, ли было сохранить СССР? Возможно. Или диктатура, где жить все хуже и хуже, но все бояться (КНДР) или реформа экономики при сохранении власти КПСС, мед-

ленно уезжающая от социализма (КНР). Третий вариант, когда ничего не меняется и отставание все дальше и дальше мало кого устраивает. Но вот такая у нас была, блин... в смысле есть, партийная элита, что третий вариант не устраивал, потому что как раз не идиоты были, а первые два – не способны были довести до ума, не взирая на наличие массы институтов по изучению всего на свете.

Искусственный партийный отбор вывел породу, которая не имела понятия про государственные интересы, а только про личные. Особь данной породы классно умела подсиживать других, но совершенно не способна ни на что, кроме как поддакивать начальству. Ни антипартийной группировки, ни нормального военного переворота, сделать она не горазда. Зато молодое поколение этой партийно-советской породы прекрасно знало, что можно жить лучше и для этого оно должно изменить ситуацию. Никогда не поверю, что они продавали страну страшным црушникам или мосадникам – просто разворовали, как только появилась возможность. И вот этих мы должны спасать, чтобы они продолжали сидеть у нас на шее?

Я лично, вижу единственный способ что-то изменить. Необходимо пролезть в партийную верхушку и начать там наводить порядок. Нам он абсолютно не подходит. Нет времени. Дорости до высоких постов, мы просто не успеем. Да и не больно хочется. Это система. Чтобы пробиться и начать влиять на решения, нужно очень долго идти в правильном, указанном начальством направлении и старательно вылизывать разные места. Когда забираешься наверх, энтузиазм давно скис. Хочется спокойной жизни.

Проблема СССР, что человек не может уйти. Если секретарь обкома (к примеру, не говоря уж о должностях выше) уходит, он теряет все. Зарплату, дачу, спецпаек, спецмагазин, спецтелефон и т. д. и т. п. У него все государственное, ничего не куплено. Он не может, даже обладая огромным опытом, устроиться на работу директором завода или колхоза. Там назначают директоров, да и нах... ему идти ниже. Поэтому будет он держаться зубами за свое место либо до собственной смерти, либо до смерти Генсека, когда другого назначат. Частное предпринимательство дает таким людям прекрасную возможность жить лучше, имея все то же самое, но СВОЕ. За счет старых связей.

Был запущен процесс перемен, при котором некоторые люди, благодаря умениям и связям, начали зарабатывать большие деньги. Огромные. Половина кооператоров и разных АО или как они назывались, забыл, работала на базе Домов творчества, курируемых комсомолом и партией. Естественно не вообще организациями, а очень конкретными людьми, с которыми делились и которые прикрывали. Деньги – эта та же власть. Совсем не зря вся собственность была государственной. Теперь все хотели получать большие деньги. Часть власти уплывала, в том числе на взятки ментам и гораздо выше тоже. Интересантов была масса. Удержать это в русле можно было только при возможности давления сверху. Чтоб знали кто хозяин. Но именно сверху и хотели перемен, при которых они захпают большой кусок.

Из той ситуации, для сохранения СССР, было только два выхода. Один хорошо известный – сталинский. Всех возражающих расстрелять. Оставить только исполнителей. Воспитывает приспособленцев. Начальству возражать ни-ни. Любым способом добиваться выполнения указания. Хорош, только когда бояться. С ослаблением страха начинают на местах для себя стараться.

Есть второй. Тянуть в элиту не по анкете (происхождение, национальность, партийность и прочее) и правильным высказываниям на партсобрании, а по делам. И поощрять не должностью в номенклатурном списке, а материально. Только для этого требуется ломать всю систему. Способ, кстати, тоже имеет массу недостатков.

Отсюда вывод – пойти к Андропову, даже при условии, что он нас выслушает, а не запрет в психушку моментально – это просто законсервировать ситуацию еще лет на двадцать. Потом может рвануть еще серьезнее. И это при условии, что генерал КГБ, через десяток лет, продающий все подряд в стране направо и налево, просто не пожелает воспользо-

ваться полезной информацией самостоятельно, вручив нам по пуле в голову. Он что, сегодня пламенный коммунист, с идеалами? Нет. Просто как появилась возможность все это дерьмо вышло наружу. А оно и раньше было. Поэтому, даже не заикайся про эти глупости. Что будет, то и будет. Спасать мы будем исключительно себя. На всех вообще, мне в высшей степени наплевать. Думать нужно о людях возле себя. Очень конкретных людях.

– Допустим, ты прав.

Андрей остановился и подозрительно уставился на брата.

– Я не спорю, – быстро сказал тот. – Лезть в политику двум парням, один из которых автомеханик, а другой только что закончил школу – чистой воды самоубийство. Но есть у этих мыслей интересный момент. Не спасая страну, а нам это, допустим, не под силу, можно спасать людей. Можно подкидывать информацию об особо неприятных вещах. Тех же Чернобылях или прочих катастрофах. Сорок раз перестраховавшись, чтобы на тебя не вышли. Заметь, я собираюсь поступить как нормальный человек. Не пламенный комсомолец. Разницу сечешь? Если по-умному предупреждать – то толк может выйти. "Из услышанного мною случайно разговора – во время планирующегося на 26.04 эксперимента, некоторые из участников стремятся провести диверсию с целью разрушения реактора". И подробности о методах... Чисто по жизни мне приятно спасти сотни, если не тысячи людей. Они мне никто, но если можешь выручить – помоги. Я так думаю.

– Совесть – это прекрасно, – задумчиво сказал Андрей, двинувшись дальше по улице Красноармейской.

Павел последовал за ним, дожидаясь продолжения. Уж он-то прекрасно знал, что брат не способен на философские раздумья, но что касается практической стороны жизни, любому академику даст изрядную фору. Именно потому что смотрит на все без глубоких заходов, вооруженных цитатами из мудрецов, а реально смотрит на окружающий мир. Доказано жизнью. А обсудить это давно стоило, назрела необходимость спокойно поговорить, выбрать для себя дальнейший путь, а они в последнее время редко пересекались.

– Допустим, – явно передразнивая, повторил Андрей, – мы все сделали правильно. Остановили катастрофу. И атомные станции этого типа продолжают строиться... Как и баловство с реакторами. В результате – авария произойдет позже и с гораздо большими жертвами. Они ведь не враги народа, устраивающие диверсию, а обычные долб... желающие удовлетворить научное любопытство и собрать материал на очередную докторскую диссертацию. Не эти, так другие. Или после армянского землетрясения приехали два энтузиаста на стройку и познакомились там. И родился у них будущий гений. А ты их этого счастья, да и страну в целом лишишь, послав заблаговременное подтверждение. Или наоборот, спас ты кого-то, а вдруг, он отец какого-нибудь будущего Гитлера?

– Мы каждый день делаем подобный выбор. Что, не спасать ребенка из-под колес или из горящего дома, а то вдруг он дедушка отравителя водопровода? Внук, когда еще родиться, а ты деда, возможно, много чего сделавшего для людей, на всякий пожарный, под колеса?

– Попал, – помолчав, сказал Андрей. – Убедил. Про выбор – это хорошо. Мне понравилось. А говоришь в писатели не проскочить. Попробуем вмешаться в историю. Заодно и проверим, что изменится, если нагло влезть в уже произошедшее. Найдешь подробности катастроф, в ближайшие пару лет от нас в будущее и посмотрим. Только, умоляю, опять же, без спешки. По возможности из другого города отсылать и со всеми предосторожностями. Потом обсудим. Я согласен предупредить, но не рассчитываю после доброго дела обнаружить под дверью людей в кожанках, с усталыми, но добрыми глазами, прибывшими с ответным визитом.

– Как это я буду смотреть, если завтра в Москву уеду?

– Вот только не надо... Мы это вместе уже разбирали. Больше будет для матери стимул на переезд, да и тебе давить на нее проще. А Интернет от тебя никуда не убежит. Переберемся

на новую квартиру, и смотри, пока не посинеешь. Переваривай пока свои программы... Ну вот и пришли, – заявил он у дверей общежития. – Вперед! Сегодня отдыхаем и от учебы, и от работы. Он глубоких мыслей в особенности. Прощальные гастроли.

* * *

Веселье уже было в самом разгаре. В маленькой комнатке, убрав койки и притащив с кухни побитые временем столы, сидело полтора десятка человек и, судя по покрасневшимся лицам и бессвязным приветственным возгласам, они уже успели хорошо набратся. В общагу только начали съезжаться к новому учебному году, и она была пока наполовину пуста. Первокурсники все больше сидели по своим комнатам, контроля обычного не было и старожилы гуляли.

У занимавшегося в спортивной секции с Андреем боксера Олега, отмечали день рождения. Вот у этого злости было больше чем необходимо. Ему только покажи соперника и уже готов грызть зубами. Он и в обычной жизни вечно излучал агрессию. Собственные спарринг-партнеры изрядно побаивались. Как бы то ни было, чемпионство ему тоже не светило. Кроме злости требовалось еще и мастерство, а его без ума не бывает. На одних физических данных и злости не вытянешь.

А что здесь собрались, ничего удивительного. Связи с педагогинями из удачно расположенного по соседству общежития университета у спортсменов давние и устоявшиеся. Нормальная ситуация, когда молодые накаченные парни встречались с молодыми девчонками. Сколько существовала секция, столько это и продолжалось. Не без некоторых излишеств, естественно. По молодости кто не делал глупости. Прикормленный комендант редко вмешивался в подобные застолья и не мешал, разве что уж буяннить начинали.

– Садитесь, – гостеприимно пригласила девушка, показывая на стулья возле себя. – Меня зовут Катя.

– Очень приятно. Павел, – сглотнув слюну, представился младший брат, уставившись на нее остолбенелым взглядом. Там было на что посмотреть. Ничуть не хуже фотографии из любого «Плэйбоя» в Интернете. Полный набор. Крепкая грудь, длинные ноги, небрежно перекинутые одна через другую, так что круглые коленки замечательно видны из-под юбки. Роскошная грива светлых волос ниже лопаток и большие голубые глаза, смотрящие с детской наивностью.

Андрей через плечо Пашки подмигнул ей и уселся так, чтобы брат оказался рядом с девушкой.

– Это ты, тот замечательный парень, умудрившийся поступить в МГУ? – заинтересовано спросила она. – Взгляд был искренний и восхищенный.

Андрей мысленно невольно зааплодировал. Артистка. Сцена «случайное знакомство» в исполнении мастера.

Катя в общаге была личностью достаточно известной. С цепкой хваткой и прекрасно работающими мозгами. Вбивать в голову туповатым школьникам знания она совершенно не стремилась, и ехать в деревню учительницей по распределению, тем более. У нее запросы гораздо выше. Правильно оценивая свою внешность, она стремилась зацепиться за город и выйти замуж. Причем за человека обеспеченного, мальчишки ее не устраивали.

Первые три курса она четко шла к своей цели. От обычного трудяги с машиностроительного завода (не устроил), к директору овощного магазина (не пожелал бросить семью) и вплоть до профессора. Бедняга сейчас пребывал на стадии развода и летал на крыльях любви. Что ему обеспечена тяжкая семейная жизнь, Андрей не сомневался ни капли. Найдет Катюха более перспективного, моментально бросит. Ко всему еще мужчинка был в возрасте

под пятьдесят и не мог похвастаться подвигами на половом фронте. Так что ветвистые рога несчастному будут обеспечены в обязательном порядке.

Когда-то, в промежутке между директором и профессором, в расстроенных чувствах, от незапланированного облома, Катя уволокла его в постель. Как Андрею потом объяснили психологи из общаги совсем по-другому поводу – это называется повышение самооценки. Проверка на привлекательность. Недовольство собой лучше всего излечивать мужским восхищенным вниманием. Раньше он подчеркнуто держался в стороне, и клеиться, как большинство парней не пытался. Жениться у него пока желания нет, да и не те доходы на ее вкус, все равно бесполезняк. Так что, с Катькиной стороны, вышел тест своеобразный – среагирует подопытный кролик на авансы или нет. Не сказать, чтобы появилось желание особо сопротивляться.

Вот в койке она ему и изложила, после длительного близкого знакомства, свои запросы и желания. Не по его масштабам и возможностям, на тот момент. Продолжения не последовало, но остались они в дружеских отношениях. Тем более что он болтать о приключении не стал, а она это оценила. Лишние разговоры в общежитии Кате тоже были ни к чему.

А вот вчера вечером он подвалил к ней с интересным предложением. Поведал с надрывом про младшего брата, совсем заучившегося. С чувством пораспинался, как это важно не быть теленком. Входить во взрослую жизнь необходимо уверенно и половой вопрос имеет к этому самое непосредственное отношение. Не дай Бог, в первый раз проблемы, так это ж травма на всю жизнь. А с такой замечательной во всех отношениях учительницей...

Особенно важно – на днях парня здесь уже не будет, так что в дальнейшем проблем никаких. Засим последовала восхвалительная песня слушательнице и намеки на благодарность, которая не будет иметь границ. В разумных пределах. Был выслушан без негодования и небрежно задан неизбежный вопрос: «А что я с этого буду иметь?»

Пришлось хорошо вывернуть карманы, под объяснения, что девушке требуется хорошо одеваться, а красивой в особенности. Так что выигрыш с доморощенного тотализатора пригодился, но дело того стоило. Хорошо, в глупых застольях, произносить набившую оскомину фразу про королеву и миллион. В жизни деньги на дороге не валяются, в основном в недоступных местах и сторожат их злые церберы, а королевы предпочитают королей или, на худой конец, директоров овощных магазинов. С толстым животом, противной ряшкой, но большими связями. Так что если царице надо заплатить за работу, имеет смысл это сделать добровольно. Пока она не скривила аристократический носик и не сказала «фэ». И все останутся довольны.

Андрей машинально отвечал на вопросы, провозглашал тосты, чокался с соседями, не особо налегая на выпивку, и наблюдал, как народ топчется под паршивую запись с магнитофона на пяточке между стеной и столами. Его больше занимало происходящее рядом. Все время, стараясь не показать, прислушивался к классной охмурёжке брательника. Ему до такого уровня еще учиться и учиться.

Пашка, уже не стеснясь, рассказывал про свои планы, под наводящие вопросы. Слушательница была благодарной и продолжала изливать на него трепетный свет из широко открытых восхищенных глаз. После легкого поощрения, он даже начал делать подозрительные комплименты, сопровождаемые довольным смешком. Потом последовала история про разбитое женское сердце, и Катя, вроде бы случайно, прижалась. Дело было на мази.

Андрей не особо удивился, когда последовало приглашение покурить и брательник послушно, как баран на веревочке, последовал за Катькой к дверям. В комнате дымили так, будто прямо в ней находилась труба особо важного завода и ходить специально никуда не требовалось. Пустых комнат в общаге сейчас много, а окружающие уже под таким градусом, что давно перестали обращать внимание на происходящие вокруг. Никто уже и не помнил,

зачем все собрались. За столом врасос целовались и пели вразнобой песни. В углу лежал кто-то в отключке. Жизнь была ключом.

Андрей тряхнул головой, сообразив, что концерт по заявкам закончился. Пришло время переходить к более низменным развлечениям. Без особых раздумий полез Нинке под юбку. Она давно терлась рядом, что-то жужжа, но он все пропускал мимо ушей. Представление закончилось, пора заниматься более приземленными трудами.

«Хорошая Нинка девка, подумал Андрей, под довольное повизгивание. Добрая, простая, хозяйственная, не проститутка, какая, а честная давалка. Из самых лучших побуждений. Одна сложность – совершенно не заводит. Нет в ней чего-то. Изюминки. Даже в постели лежит бревно бревном, и не пойми чего, дожидается. Ничего не поделаешь. Будет миллион, поймеем и королеву. А пока и доярка сойдет».

* * *

Андрей прислонился к перилам у крыльца, выбил шелчком последнюю сигарету из чужой пачки, прихваченной со стола и, прикурив, с наслаждением затянулся. Отработав положенное, он без особого сожаления оставил Нинку и вернулся назад. Там со вкусом поел, собирая остатки из общих кастрюль. Не ресторан, сервировка подкачала. В душе он уже забил и на правильное питание, и на режим. Про спорт можно было забыть навсегда. Впереди ждут совсем другие планы и идеи.

Если поразмышлять да посчитать, так все это сверкающее будущее наступит совсем не скоро. Ему уже за тридцать будет, когда можно станет всерьез развернуться. Ужас. Задумываться совершенно не хотелось. Позже, на трезвую голову.

Минут двадцать назад, в комнату с остатками застолья, заглянула Катерина и ни слова не говоря, удалилась, поняв, что он ее заметил. Пашка и сам мог прекрасно добраться домой, но сегодня последний день. Завтра он уезжает в Москву, и стоило нормально попрощаться.

Брательник появился еще через четверть часа. На физиономии блуждала задумчивая улыбка, глаза смотрели неизвестно куда, чуть мимо не прошел. Знакомые признаки. Парень доволен как слон. Эмоции так и переполняют. Сейчас начнет прыгать и орать на манер Гарзана.

Андрей пристроился рядом, и они молча зашагали домой. Ночь уже кончалась, первые слабые лучи освещали пустынные улицы. Ни машин, ни прохожих. Все сладко спят по родным кроваткам.

– Ты знаешь? – спросил Пашка уже возле дома.

– Не сложно было догадаться. Если парень выходит с девушкой на пять минут и исчезает на всю ночь, искать его нужно либо под лестницей в пьяном виде, либо у девушки в постели. Нажраться до свинского состояния ты не успел. Так что я, естественно, не стал бегать с паническими криками и врваться в чужие комнаты в три часа ночи, в поисках пропавшего родственника. В таких делах шум не всегда полезен. Ей еще жить в общаге и лишние разговоры совсем ни к чему. Надеюсь, понимаешь, что болтать о своих подвигах, всем встречным и поперечным, не всегда стоит. Чаще всего, совсем не стоит хвастаться своими победами. Другое дело, если она сама не против. А мужик не должен подставлять свою женщину. На то он и мужик.

– Она еще побубнила про своего парня и его невнимание, так что я не выдержал и поцеловал, чтобы заткнуть. А потом, – он пожал плечами, – как-то все само собой вышло.

«Специалистка, – с глубоким уважением подумал Андрей. Во как – само собой»

– Она говорит, раз это уже случилось, так не останавливаться же. Гулять, так гулять. И мы продолжили... Это всегда так? – искоса глянул на него Пашка.

– Понравилось?

– Еще как! Жаль, что уезжаю.

– Оно и к лучшему, – твердо заверил Андрей. – Она ж говорила, есть у нее парень. Ну, поссорились, с кем не бывает. Только он давно и привычный. А ты не сегодня, так завтра увидишь все равно. Вот и подумай, кого выберет. Да и старше она. Уж, извини, но возраст такой, пора думать про мужа. А ты еще пацан. Надеюсь, не станешь рассказывать про глубокую любовь? – озаботился он.

– Нет. Катя ясно сказала, что это последний раз, – со вздохом сознался брат. – Что я ей понравился, но пришло время устраивать жизнь и я в нее никак не вписываюсь.

– Вот видишь! Зато будет что вспомнить. И к чему стремиться, – после паузы добавил Андрей. – Сравнить и искать не хуже. Только более подходящую по возрасту. Гулять – это одно, планы на жизнь, совсем другое. Анекдот такой есть. Приходит к мужику жена и с ужасом в голосе говорит:

– Вчера была в школе и меня там огорошили. Нашего мальчика поймали с соседской девочкой в голом виде, в раздевалке. Знаешь, эта, что в соседнем дворе живет – рыжая оторва. Поговори с ним. И руки заламывает от огорчения.

– А, – вспомнил муж, – эта худая малолетка без признака груди? Знаю. Позови оборота.

Появляется сын. Стоит, ковыряет ногой паркет и молчит.

– Пил, курил, с девчонкой баловался? – спрашивает отец.

– Ну? – недовольно отвечает сын.

– Сейчас мне некогда, завтра придешь на работу после школы. Понял?

– Ага.

На следующий день сын приходит к отцу. Рожа кислая в ожидании нотаций. Отец достает бутылку хорошего конька, наливает себе и сыну. Выпили. Достает пачку «Мальборо», дает прикурить. Потом нажимает на звонок. Входит секретарша. Грудь во, – Андрей показал размер. – Ноги растут прямо из подмышек и на заграничную актрису похожа.

– Объясни, – говорит отец ей, – вот этому пареньку, что такое настоящий секс.

Секретарша молча берет сына за руку и уводит в комнату отдыха. Через час он появляется страшно довольный.

– Вот, – говорит отец, – это тебе не «Прима», не портвейн и не поблядушка с улицы. Но чтобы все это получить, надо учиться, учиться и еще раз учиться!

Павел хохотнул.

– Есть вещи, – серьезно сказал Андрей, – которые не купишь за деньги. Здоровье, ум, родителей, брата. Все остальное продается. Надо только иметь, чем платить.

– А любовь? – с вызовом спросил Пашка.

– Есть только один человек на свете, кто будет тебя любить бескорыстно. Мать. Ей все равно, какой у нее ребенок и что он натворил. Она мать и этим все сказано. Но даже матери бывают иногда такие... мда... Но большинство все-таки нормальные, я про уродов по жизни не говорю. Не дай Бог, узнать на своей шкуре, какие случаются мамы и папы. Да сам прекрасно понимаешь...

А остальным, даже хорошим людям, всегда что-то надо от тебя. Иногда они считают, что действуют в твоих интересах, но чаще думают про себя. У тебя голова имеется на плечах, вот и учись думать, в чем интерес другого.

– А ты? – напряженно спросил Пашка.

– А мне верить можно, – голосом Броневого-Мюллера, сообщил Андрей. – Потому что я твой брат. В каком-то смысле, еще и отец. И все равно, вот честно, положи руку на сердце, я тоже толкаю тебя в направлении, которое мне представляется правильным. С тем же МГУ. Или по части использования нашего компьютера. Разве нет? Тебя это пока устраивает, но нет гарантии, что так будет всегда. Поэтому я и не ставлю тебя в известность и не отдаю

приказы, а советуюсь. Ты уже не ребенок. И мне не стыдно признавать, что ты соображаешь лучше. Пока мы вместе – мы сила. Тем более ты понимаешь мои мотивы, а я твои. Какой смысл вешать друг другу лапшу на уши? Вот и будем исходить из этого в будущем.

1984 г

В продажу поступил первый Apple Macintosh. *Сказать Пашке. Пусть проверит возможности. Можно достать через Мусу. Сильно дорогое удовольствие.*

Смерть Генерального Секретаря ЦК КПСС Андропова. *Мрут как мухи.*

В Японском море столкнулись советская атомная подводная лодка «К-314» и американский авианосец «Китти Хок». *В газетах не будет. А в американских?*

Советский Союз объявил о своём бойкоте летней Олимпиады 1984 в Лос-Анджелесе, США. *Стопроцентная проверка. Уже не требуется.*

ЦК Коммунистической партии Китая одобряет программу экономических реформ, которые дают руководителям промышленных предприятий больше самостоятельности. *Почему узкоглазые могут, а нам не дано?*

Выписки событий из Интернета с комментариями Андрея.

* * *

– Ага, – сказал Андрей, – как и в прошлый раз – полный ноль.

Он стоял в одних трусах и поживался от холодного ветра, задувающего из щели в окне, переступая с ноги на ногу. Босым ступням было неуютно на голом линолеуме. Надо было еще вчера позвонить, но все было некогда, да и ничего нового в сообщении не было. А контрольные сроки предусмотрены не были. Чай не разведчики. День раньше, день позже. Не важно.

Говорить, по телефону открыто, Андрей боялся. Десять раз можно доказывать, с полным на то основанием, что Конторе Глубокого Бурения абсолютно незачем слушать все беседы подряд, но паранойя уже давно и регулярно махала над ним крыльями. Впрочем, он это называл конспирацией. Лучше звучит и не возникают ассоциации с дурдомом.

Одну серьезную попытку они уже сделали с «Александром Суворовым». Кто бы там не получил письмо с предупреждением, реакции не последовало. Как и в прошлый раз, теплоход снес часть пролета у моста, и была масса жертв.

Писать прямо: «мы знаем» было верхом идиотизма. Пророчества и рассматривать бы никто не стал. Советские люди правильно воспитанные материалисты и в мистику не верят. Поэтому оформлено все это было под жалобу на неоднократную халатность в рейсе, проявленную капитаном и командой. Приводились конкретные имена. Копии пошли и в пароходство, и в парторганизацию, и даже в МВД и КГБ. Дальше можно было только вцепиться в рулевого и не дать ему устроить аварию. Кто, интересно, пустил бы на мостик постороннего?

Результат вышел вполне предсказуемый. Если кто-то и прочитал, то пользы это не принесло. Может выговор вынесли, да задним числом подшили бумажку в дело об аварии. Самое противное, что в советских газетах о подобных вещах не писали, и узнать подробности получилось только окольными путями. Даже точной цифры погибших не было. Официально ничего не сообщали, а слухи ходили самые разные. Сравнить полученный результат при всем желании не получалось. С виду ничего не изменилось. В Интернете тоже.

Второй раз они сделали ставку на вражескую разведку. Это было страшно глупо, но ничего разумнее просто в голову не пришло. Уж на такое доблестные органы должны среагировать? В городе Североморске, базе ВМФ, о существовании которой нормальные жители

СССР и подозревать не должны, ожидался взрыв на складах боеприпасов. Они еще долго спорили, писать ли, как в официальном расследовании, про курящих караульных и пришли к выводу, что не стоит. Боеприпасы хранятся в непрогораемой оболочке и шансов на возгорание крайне мало.

Пришлось изощряться, чтобы выдумать более-менее приличную легенду, про случайно подслушанный разговор. Потом долго бегать по просторам родной страны, отправляя письма из разных мест и желательно не оставляя следов. Между прочим, денег на спасение человечества никто не выдавал, а карманы не резиновые. Ехать прямо на место с проверкой было также мудро, как с криком рваться в рубку «Александра Суворова». Чужой там виден за километр. А нарушать инкогнито очень не хотелось.

Для удовлетворения своего нездорового любопытства о происходящем в СССР пришлось отправиться в Ригу. Если верить Интернету будущего, уже 2 июня 1984 года журнал «Time» подробно пересказал эту историю для американцев. В Америке странного происшествия страшно напугались и подняли по тревоге стратегическую авиацию. Уж очень смахивало на атомный взрыв, и реакция советского руководства могла стать непредсказуемой. Народ в СССР так и не узнал, что был прекрасный шанс влететь в Третью Мировую. Люди продолжали спокойно спать.

Так что Андрей позвонил старому приятелю Мусе за консультацией. Даргиев был дагестанец, но родился и всю жизнь прожил в соседнем доме. Когда-то их семейство выслали на север, но за что, никто толком не знал. Возвращаться домой после смерти Сталина они не стали, осев в Архангельске навсегда.

Муса об этом говорить не любил. То ли дед его был баем-феодалом, то ли по ночам стрелял в окошки колхозным активистам. Давно это было. Да и сами Еременко, по домашним легендам, происходили от вовремя сообразившего, к чему идет и успевшего сбежать от коллективизации крестьянина. Особого счастья ему переселение не принесло, но хоть сам уехал, а не по этапу. Мать на эту тему глухо молчала, а смутные впечатления остались от обмолвок бабки в детстве. Она тихо умерла лет десять назад, когда он еще не задумывался над подобными вещами. Деда тоже не спросишь, погиб в ВОВ, а других близких родственников не имелось.

Муса был лет на семь-восемь старше Андрея, но занимались они в одной спортивной секции и крутились в одной компании. Давно знали друг друга и нормально общались.

Буйный характер горских разбойников, полученный по наследству от предков, позволил Даргиеву получить заслуженного мастера спорта по вольной борьбе и попутно всю районную шпану поставить в зависимость. Наказание за непослушание были неотвратимым и болезненным.

Будучи советским интернационалистом, он не делал различий по происхождению, но при необходимости мог и вызвать в подмогу стаю темпераментных родственников с Кавказа. Назвать это организованной преступной группировкой еще было нельзя. Ну, разве что воровской шайкой, но шел он в нужном направлении уверенными шагами.

Порт для парней Мусы – родная территория и место работы. Там и своровать много чего можно, купить у морячков контрабандный товар, да и пьяному карманы вывернуть. Милиция очень часто закрывала глаза на эти художества. Лучше уж иметь дело с одним человеком и при необходимости договориться, чем множество разрозненных случаев. Тем более никаких тяжких телесных повреждений и убийств. За этим смотрели строго. В районе с его воцарением стало возможным спокойно ходить ночью. В организованных бандах есть свои серьезные преимущества. Они чужих на своей территории не любят, а беспредела не допускают. Им здесь жить и ссориться по пустякам с государством и соседями ни к чему. А вдруг менты обидятся и устроят большой шмон с массовыми посадками?

Мешало окончательно превратиться в чисто уголовную банду, исключительно нежелание Мусы жить по воровским понятиям. Он очень рано женился и имел двух детей, не собираясь останавливаться на достигнутом. Семья должна быть большая, уверял он в разговорах. Поэтому шухериться по малинам желания не испытывал и в зону не рвался. А вот красиво пожить любил. Зато презирал всю воровскую касту оптом, считая их дармоедами и понтырщиками. Подобных экземпляров целенаправленно выживали с близлежащих улиц и запросто сдавали по малейшему поводу доблестным работникам милиции, помогая улучшать статистику раскрываемости.

У Мусы в команде наличествовала черная касса, куда сдавался определенный процент, и откуда шла помощь соратникам в самых разных случаях. Не только для тюрьмы, куда впрочем, ни разу не залетали его работники по общим делам. По дурости случалось неоднократно. Парни молодые, горячие. Сдерживаться не любили. В таких случаях семьям помогали.

Никаких проблем с просьбой не возникло. Муса мгновенно дал имя подходящего человека и название его судна, даже самолично договорился. Морячек не гнушался привозить из-за бугра всякую мелочь на продажу. Правда, пришлось ехать самому и в Ригу. Так было быстрее, чем в родные места. Заходы в порт от Даргиева не зависели.

Первое, что мореплаватель сообщил при встрече, сделав большие глаза – это про статью под названием «Большой Бум». Даже выторговал за столь компрометирующее известие лишнюю пятерку. Во всяком случае, основной вопрос стал предельно ясен и без перевода. Ни командование флота, ни особый отдел письмами не заинтересовались. Или там натурально была диверсия. Ну не поджигали же морячки, зенитные ракеты и склады с топливом и химией, чтобы скрыть недостачу?! Не те времена и никому это добро в СССР пока не требовалось.

– Что-что... да ничего, – сказал Андрей раздраженно в трубку. – Статья, как положено, присутствует. Читать я ее не стал, нафиг сдалось. Все как предсказано... Может все записано на небесах, в такую большую амбарную книгу и все эти трепыхания ничего не значит. Хотя есть вариант и проще. Собрали на комсомольское собрание, сделали накачку. Через два дня все благополучно забыли. Или мы ничего не способны изменить, или надо идти другим путем. Да, есть идея. Это я потом расскажу. Дома. Не телефонный разговор. Как там жизнь? А мать? Ну, вот и славно. Я еще недельку отдохну и домой. Зря, что ли, приехал к морю? Ага. Будь здоров.

Он повесил трубку и почесал голый ступней ногу. Взял сигарету из неизвестно чьей пачки «Дойна», молдавского производства, лежащей на подоконнике и задумчиво уставился в окно. Было о чем подумать. Имеет ли смысл вообще дальше подобной дурью маяться или идти по другой дороге? Или одно другому совершенно не мешает?

С будущим заместителем мэра Москвы и известнейшим олигархом они регулярно расписывали преферанс. Андрей это дело не слишком любил, и играть по маленькой не стремился. Никакого азарта. Зачем убивать вечер за десятку, когда он ее так без проблем делает на работе. Поэтому очень быстро переключил их на Пашку, оставшись для всех хорошим приятелем. Машина в его распоряжении, была совсем не лишней. Брательник прекрасно умел считать и готов был развлечься в молодой компании. Там где карты, очень часто присутствует и все остальное. Выпивка, баня, девки. Дело абсолютно нормальное, ведущее к налаживанию приятельских отношений.

Ребята были очень не глупые, но скажи Андрей правду, зачем их свел и про свои далеко идущие планы, долго бы смеялись. Один не так давно стал секретарем комитета ВЛКСМ факультета, а другой писал кандидатскую диссертацию, подавая большие надежды. Виртуальные будущие миллионы с миллиардами, им могли присниться, разве что, в мечтах. Комсомолец в свободное время трудился маляром в ЖСК, в стремлении обеспечить себе

квартиру. Поползновениям рушить СССР или вести антисоветскую пропаганду за ними не наблюдалось. Ругали начальство и окружающую действительность, как миллионы прочих, да отсюда до «врагов народа» пропасть огромная. Над обслуживанием, дефицитами и собраниями вполне легальный журнал «Крокодил» регулярно издевался.

Андрей машинально раздавил бычок в горшке с цветком, смущенно хмыкнул и выбросил его в мусорное ведро. Вот чем отличаются прибалты, прямо, как и не советские люди, так маниакальной страстью к чистоте. На улицах бросать ничего нельзя, в квартире страшно чисто и аккуратно. Еще жили здесь гораздо зажиточнее, чем в России и при этом русских, почему-то всерьез недолюбливали. Проскакивало постоянно в разговорах и в отношении к приезжим. Любой латыш почитал себя не меньше, чем европейцем, а русских держал за быдло. Явно ничего не происходило, но достаточно было посмотреть, хотя бы на обслуживание в магазинах.

Он прошел в комнату и нырнул под одеяло к Дзинтре. Осторожно перевернул ее на спину, стал на локти и колени, чтобы не давить тяжестью и, раздвинув коленом ноги, легко скользнул внутрь. Еще не проснувшись, она отозвалась, выгнувшись и что-то невнятно пробормотав. Андрей замер, нависая над женщиной и наслаждаясь моментом. Потом очень медленно приступил к извечной игре. Никуда не торопясь, без привычной мужской грубости уже однажды получившего свое.

Дзинтра не открывая глаз, повернулась удобнее, обняла его руками за плечи и сомкнула ноги на его пояснице. Дыхание становилось все тяжелее, она слабо застонала, и Андрей почувствовал, как женское тело затрясло мелкой непрерывной дрожью. Его движения тоже становились все более бесконтрольными и быстрыми. Дрожь возобновлялась несколько раз и она, уже не сдерживаясь, застонала в голос. Рвется навстречу, стремясь впустить как можно глубже. С губ несется поток слов на латышском, он не понимает ни слова, но перевод и не требуется.

Дзинтра лежала рядом, положив голову Андрею на грудь. Он повернулся и поцеловал ее в губы, продолжая гладить крепкую грудь. Андрей был счастлив, что добился своего. С красивой женщиной – это кайф. С красивой и очень известной – кайф в квадрате. Никто еще не знает, что через месяц на экраны телевизоров выйдет новый фильм. Прибалты всю жизнь специализировались на драмах из западной жизни, но сейчас попадание будет особенно удачным. Дзинтра проснется знаменитой на всю страну. Миллионы мужиков всех возрастов будут мечтать о ней, а он еще два года назад, не имеющий ни малейшего понятия о Рижском художественном театре драмы имени Я. Райниса и актрисе там работающей, сориентировался первым.

Вот ведь как интересно – в жизни человек и выглядит, и говорит совсем не так, как ты представляешь по интервью и фотографиям. Ростом с него, а на каблуках еще выше. Плечи широкие, как у мужчины, но рыжие волосы настоящие. Цвет как у меди. Никакого обмана. Что да, то да. Зато лицо и фигура вне критики. Полные губы, выразительные глаза. Большая, не нуждающаяся в подпорках грудь, тонкая талия. Все как по заказу. Увидел, моментально запал.

Информацией тоже надо уметь пользоваться. Интервью и статьи, чаще всего, бред голимый. Как же, станет нормальный человек изливать открыто душу, перед всеми. Что у него не так или что он любит. Очередная звезда экрана или эстрады исполняет вечную песню о глубокой любви с мужем. Хорошо, если выяснится, как они на самом деле жили, после развода. Да и тут доверять не стоит. Начнут кидаться друг в друга какашками наперегонки. И чего двадцать лет прожили вместе, если он гад, регулярно буцал невинную женушку, а она стерва, по его словам, вечно в суп харкала? В семье разное бывает, но слушать надо обе стороны и тщательно фильтровать претензии.

Ну, иногда попадаете и реальная информация. Не часто, но тут уж учись смотреть. «Я люблю розы», «В этом году муж всерьез запил и мы временно разъехались». После перестройки этих вещей стесняться перестали и спокойно рассказывали. «Часто после спектакля отмечали событие в ресторанчике возле...», «Режиссер предложил сняться в фильме...». «Обожаю картины художника...».

Совсем не просто это было. Стали бы латыши с посторонним русским парнем, свалившимся им внезапно на голову, с радостью общаться. Да никогда. В любой тесной компании не обрадовались бы навязчивому типу. Сидят, вспоминают съемки, культурно выпивают и тут вваливается неизвестно кто. Сорок раз будешь восхищаться спектаклями (которых не видел), но вежливо поблагодарят, и звать к себе за столик не станут.

Ну, он хоть ехал за журналом, но это дело было второстепенное. Попутно. А вот на Дзинтру нацелился всерьез, не посвящая в свои намерения Пашку. Для того спасение человечества, от него самого, важнее. А Андрей всерьез хотел познакомиться. Для этого и существуют связи. В СССР нет ничего важнее знакомств. Обычно это называется блат и понятие очень широкое. По принципу «ты мне – я тебе». Совсем не важны бывают деньги, хотя без них сложно обойтись. Услуги ценятся выше. Были у него контакты, и нашелся человек, который мог непринужденно свести.

Переехав в Москву, Андрей пошел в таксисты. И копейка лишняя, и пристальный контроль отсутствует. Сам себе хозяин. Сдавай своевременно выручку в кассу и делай, что пожелаешь. Не все, конечно, было так элементарно. Совсем не просто без опыта в чужом городе план сделать, но это приходит с опытом. Да и в парке существовала целая система поборов сверху донизу. Хочешь иметь машину на ходу – плати. Начальнику, механику, кладовщику и даже диспетчеру, чтобы он подкидывал хорошие заказы. Все это в порядке вещей, и его нисколько не напрягало. Все так жили, и дело насквозь обычное. Как и вечные бутылки в багажнике за дополнительную плату, для клиентов с горящими трубами и большой головой. Купить поздно вечером превращалось в нехилую заботу, а у него всегда к услугам страждущих.

Возить в незнакомом городе пассажиров задача нетривиальная. Пришлось учить карту. Толку было мало, местами она была неправильная или отсутствовали мелкие переулки. Так советская власть предохранялась от шпионов. Карты городов и дорог очень приблизительные. Постигал на практике премудрости проезда из точки «А» в точку «Б», не строя из себя сильно умного и спрашивая совета у много лет проработавших в таксопарке. Ничего ужасного в признании слабого знакомства с обстановкой нет, а людям нравится поучать.

Учиться, учиться и учиться, как завещал классик. Он был прав, единственное, коммунисты забыли точно процитировать. Учиться требовалось коммунизму. И ведь все в ПСС содержится, но ни один нормальный человек не удосужился многочисленные тома прочитать. Он бы и сам отроду не стал, но в караулке другого чтения не имелось. Сидишь ночью и чтобы не заснуть, изучаешь наследие. Заодно выясняешь массу интересного. Детали биографий впоследствии расстрелянных товарищей и как Ленин ругаться умел. Очень часто, однообразно и крайне не воспитано. Вроде и не статьи для общественных газет, а склока на коммунальной кухне.

Современные партийцы откровенно сочинения вождя не раскрывали ни разу в жизни. Так и повторяют, про кухарку управляющую государством. А он в жизни такого не брякал. Ну да Бог с ним, с Лениным. Он много чего говорил. На любой случай жизни. Когда для дела требовалось про военный коммунизм, а когда не срослось про НЭП. Прекрасный был тактик и ловец ветра. Моментально чуял куда дует и подставлял парус.

Изучив город в совершенстве, Андрей еще и близко познакомился с его изнаночной стороной. Отсутствующие в отчетах милиции проститутки, шустрые фарцовщики, солидные люди, приезжающие в командировки, темпераментные кавказцы. Не обошлось и без

уголовников. Один раз, два парня приставили к боку нож и отобрали выручку. Когда они выскочили из машины, Андрей схватил монтировку, лежащую под сиденьем и, не помня себя от ярости, погнался за уродами. Догнал. Одному не иначе как голову проломил, а второй отделался поломанными ребрами. Долго потом ждал появления милиции и на счастье, так и не дождался. Видимо, заявлять не стали, у самих рыльце в пушку. Или номера не запомнили. После этого он всегда внимательно смотрел, чтобы не сажать в машину явно наглых и опасных и держал в кармане самодельный кастет, а доблестную монтировку под рукой.

Постепенно приходили и знакомства. Самые разнообразные. От приезжих из дальних краев (на будущее пригодятся) до милиционеров. С одним поговоришь, другого невзначай расспросишь. А уж что и где в магазинах «выбрасывают» ценного очень быстро учишься узнавать. Связи – первое дело. Самому без надобности, так можно кого по знакомству обрадовать.

Тут главное не суетиться и набраться терпения. До перестройки времени навалом. А слишком явный интерес мог и отпугнуть потенциального клиента. Ведь что такое Интернет? Это огромное количество добра, которого при всем желании, в это время взять неоткуда. Легче скачать, чем самому выдумывать. И то, половина вроде бы многообещающих идей проваливалась с громким треском.

Напрашивалась простейшая торговля. У людей уже имеются видеомагнитофоны, кассетники и даже видеокамеры. Не у многих и все это страшно дорого, но если у тебя есть вещь, ей хочется пользоваться. Кассеты ТДК, не часто появляющиеся в магазинах, стоили восемь рублей. Одно время каким-то чудом появились в продаже японские JVC и Sony на девяносто минут. В красивой коробке и завернутые в прозрачный целлофан. Упаковка западных товаров у людей вызывала восхищение и зависть. Не таскать в авоськах и не заворачивать в толстую обойную бумагу, а вот так – со вкусом. На самом деле, фигня. Коробка дело второстепенное, качество вещи важнее, но люди готовы переплачивать за праздничный вид и он это запомнил на будущее.

Андрей тогда хватал, сколько в багажник умещалось. Это ж золотое дно. Записи ходили по рукам, многократно переписывались с пленки на пленку, и качество звука было отвратительное. А с компьютера на импортный магнитофон можно перекачивать любые песни, в любом количестве, даже самые новейшие для этих лет альбомы, только-только поступившие в продажу. Тут главное не зарваться и точно проверять даты исполнения. Еще не хватает услышать удивленные вопросы. Не вышло. Не тянул ящик. Со звуком были серьезные проблемы и наладить не удалось. В длительной лекции от брата Андрей ничего не понял, усвоив простейшую мысль – не раньше, чем через пару лет. Возможно и позже. Нет подходящего железа и программ.

Хорошая мысль была играть на скачках. Опять же, сколько не копался в куче всякого мусора точных данных найти не смог. Вот на английском были, но ему не интересны. Как собственно ставить на американских соревнованиях, сидя в СССР? Никак. Накопил имена чемпионов и фаворитов в родной стране и даты рекордов. Результатов скачек нет, кому они потребны задним числом? Что нашел и то прекрасно. Много при ставках на всем известных лидеров не получишь, копейки на рубль, но если ставить большую сумму можно и кое-что подработать. Пару дополнительных зарплат, не напрягаясь, он получал, даже изредка проигрывая. Фаворит тоже не всегда приходит первым. Курочка по зернышку клюет, не особо раздражая заинтересованных должностных лиц. По любому, деньги были, и по советским понятиям немалые.

Так что Андрей вполне мог себе позволить красиво поухаживать, не бедствовал. Букеты цветов (ага, любимых), походы в интересные места, не чрезмерно дорогие, но приятные подарки. Рисунок того самого любимого художника. Получен за бутылку водяры. Мужик пьет по страшному и от этого дела помрет очень скоро. Лет через двадцать его кар-

тины будут стоять солидные деньги. В перестройку заинтересовались и поехали остатки его художеств за бугор, за солидные долларовые пачки. Не жалко.

Женщину нужно заинтересовать. Дорогую вещь она может и не взять, а тушь «Ленинград» за сорок копеек, в такой ситуации, смотрится издевательством. Подарок необходим, чтобы и отказаться было нельзя, и взять хотелось. В обязательном порядке упоминание о том, как понравилась сцена из раннего фильма с ее участием (сведения из интервью будущего, очень хвалили). Ни одного кино с Дзинтрой он раньше не видел, но готовился серьезно. Так что прозвучало неплохо: совпадение взглядов, да и заинтересованность показана вроде бы случайно. И все в таком роде. Настойчивая осада без пошлости и грубости.

Дзинтре нравилось внимание, и она не пыталась отшить Андрея, но держалась по-прежнему слегка на расстоянии, максимум, позволяя поцелуй в щеку. Вчера, перед уже открытой дверью квартиры, он понял, что его в очередной раз продинамят, даже не подумав пригласить на чашку кофе, и сорвался. Это бывало не часто, но недаром ходила за ним в школе слава хулигана. Случались обстоятельства, когда он, не пытаясь задумываться о последствиях, говорил и делал вещи, о которых приходилось потом жалеть. Как с теми дебилами, пытавшимися его ограбить и наверняка попавшими в больницу. Мог ведь, и загреметь на нары за подобные действия.

Вот и сейчас он буквально набросился на Дзинтру, издавая рычание не хуже медведя и безнадежно перечеркивая тщательно созданный образ воспитанного человека. Поначалу она слабо сопротивлялась, даже попыталась задать извечный женский вопрос: Андрею... ша... что... ты... делаешь? Потом прижалась с неожиданной силой и стала отвечать на жадные поцелуи.

Андрей подхватил ее на руки, и небрежно захлопнув дверь ногой, стремительно потащил в спальню свою добычу. В этот момент, его не волновало, есть ли в квартире кто-то еще. Прошел бы мимо и даже не заметил. Сердце бешено билось, и осторожно положив женщину на кровать поверх застеленного одеяла, поспешно стал снимать с нее ненавистное платье, касаясь бархатной кожи и покрывая все тело поцелуями, настойчиво прорываясь к заветной цели.

Андрей был жаден и неистов, стараясь, чтобы Дзинтра забыла обо всем и приняла его окончательно. Очень скоро она начала отвечать на ласки с не меньшей страстью. Движения становились все яростнее, возбужденнее и нетерпеливее. Ничего удивительного. Он точно знал из одного из интервью, что с мужем она не общалась уже пол года, и другого мужчины у нее не было. Голодная Дзинтра и все происходило с бурными поцелуями, в лихорадочном темпе.

Они полежали молча, обнимаясь и набираясь сил. Потом Андрей повторил все еще раз, уже спокойнее, ласково и со всей возможной нежностью. Никуда не спеша и не собираясь останавливаться. Теперь она уже подначивала и направляла, а он послушно следовал указаниям, стараясь доставить женщине максимальное удовольствие. И добился своего, получив в доказательство крик, оповещающий всю округу о том, что Дзинтра достигла высшей точки. Как милицию соседи не вызвали, сложно понять. Со стороны, наверняка, казалось, что кого-то убивают.

– Я уже успела подзабыть, – сказала со смешком Дзинтра, когда его рука принялась в очередной раз настойчиво блуждать по телу, – что молодые люди очень быстро восстанавливаются и очень настойчивы.

– Это почему вдруг я молодой? Разница всего лет в пять.

– Не всего, а целых пять лет. Когда я получала паспорт, ты ходил в школу. Когда замуж выходила, еще не закончил. Еще и родила, – она вздохнула.

– Кстати, – сказал Андрей, пытаясь замять неприятную тему, – а где твоя дочка?

– У бабушки с дедушкой в деревне. У нас съемки были в Крыму, не тащить же ее туда. Скоро заберу. А откуда ты знаешь про Зелту? Что не сын?

– Сама говорила, – отперся Андрей. – Или кто из ваших актеров брякнул. Это ж не тайна.

– Значит знал. И про мужа тоже. Я тебя прошу, не надо о нем говорить. Мы больше не живем вместе, но встречаемся. Он старается помогать, все-таки ребенок общий, но это мои дела. Хорошо?

– Про мужа не будем, – подтвердил Андрей. – Мне эта тема совершенно не интересна и не важна. Вот про нас стоит.

– Безусловно. Но лучше потом.

– Это еще почему? – насторожился Андрей.

– Я очень часто говорю что думаю. И на работе, и в общении. Иногда даже во вред себе. Ко всему еще я очень типичная по характеру латышка... Не перебивай, – закрыв ему рот ладонью, потребовала. – Выслушай и постарайся не обижаться. Мне было хорошо. Оно помолчала. – Очень. Но я не могу все бросить и уехать в Москву. Слишком рассудительная. Здесь у меня работа, знакомые и родственники. Там никто не ждет. В театрах отнюдь не заждались никому неизвестную актрису. Каждый год, театральные училища выпускают пару сотен молодых девочек, а приличных сцен не так много. В Москве еще меньше. «Кушать подано» и зайчиков на заднем плане я достаточно переиграла. Сейчас меня знают, но это здесь. Актеры – люди зависимые. От режиссера, типажа и просто хороших отношений с окружающими. Перебиваться с воды на хлеб, да еще и с дочкой, я не собираюсь. Нечего мне там делать. Ты тоже скоро уедешь. Отпуск кончается когда?

– Еще неделя, – сознался Андрей.

– Я знаю, ты сейчас скажешь, что готов для меня в лепешку расшибиться и сделать что угодно. Я верю, и даже не буду опять вспоминать про возраст. Но представь себе жизнь в одной квартире нескольких чужих людей. Твои мать с братом, я с дочкой. И все это в двух комнатах.

«Ну не такая уж и плохая», с обидой подумал Андрей. «Мало ли что двухкомнатная. Кухня четырнадцать метров и холл двадцать два. Поищи такую. Старый дом, не новостройка с хрущевской планировкой. Повезло на маклера приличного выйти, зато все лотерейные деньги вмиг улетучились».

– Это очень плохо кончится, – говорила между тем убежденно Дзинтра. – Бытовуха еще никого до добра не довела. Невозможность жить отдельно от тещи или свекрови, испортила жизнь десяткам тысяч семей. Даже если все нормальные люди. Уже нельзя себя свободно чувствовать и просто выйти в коридор в затрапезном виде, почесываясь. Все время думаешь, как это смотрится со стороны. Раздражение на стесненные условия, в которых никто не виноват, накапливается и прорывается. Разводом или сковородкой по голове. Так что не надо лишних слов и заверений. Все будет, как будет. И хорошо, что было. Неделя у нас еще есть, давай проведем ее так, чтобы было что вспоминать.

Она притянула его к себе и сказала на ухо: Ты мой мальчик и мне хорошо с тобой. Но я страшно бесстыжая и желаю гораздо большего. Дзинтра обняла парня и потянулась к его губам. – Ой, мамочка! – вскрикнула она. – Хорошо-то как. Ты куда? Глубже! Не уходи, вернись немедленно! Еще!

Мысленно она продолжала свой монолог, не пытаясь озвучить его:

«Сначала ты будешь звонить каждый день и долго разговаривать. Пройдет несколько месяцев и звонки станут все реже, а беседы короче. Потом паузы удлинятся до праздников и дней рождений. Хорошо если приедешь пару раз в год, на недельку. Вечно так продолжаться не может. Рано или поздно появится кто-то другой. У тебя или у меня. Начнем скрывать друг от друга. Обязательно всплывет в самый неподходящий момент и состоится разрыв. Не мы

с тобой первые, не мы последние. Если бы жили в одном городе, еще можно было бы на что-то рассчитывать и надеяться. А так... Пусть нам обоим будет хорошая память об этих днях. Без горечи и обид. Я постараюсь...»

* * *

– Ну и что ты нарыл? – дружески хлопнул брата по плечу Андрей. Вручив матери привезенные из Риги янтарные побрякушки и терпеливо выслушав ее нудный рассказ о школе и учениках, не желающих слушать указания и выполнять домашние задания, он посчитал свой семейный долг выполненным. Теперь можно было и поговорить о делах.

– Чегой-то ты не слишком похож на хорошо отдохнувшего, – повернувшись к нему, заявил Пашка, – весь из себя исхудавший, но вроде довольный. Опять по бабам бегал?

– На море без этого нельзя, – глубокомысленно поведал Андрей. – Все туда едут с целью отдохнуть от мужей и жен. Сплошь холостые.

Посвящать в подробности он даже брата не хотел. Всю последнюю неделю он вылезал из постели разве что в туалет. Но про постель – это очень фигурально сказано. Это происходило в любом месте и в любое время. Прочитанная внимательно Кама Сутра меркла перед самыми разными фантазиями, изобретаемыми совместно. На ковре, расстеленном на полу, на столе, в кресле и даже один раз в подворотне, когда они выбрались однажды, посмотреть красоты Риги. Вместо совершенно не интересного ему Домского собора, вернулись назад и продолжили с той же точки, на которой прервались утром.

Ей было достаточно повернуться невзначай соответствующим образом, показав очередной волнующий изгиб тела, как он моментально был готов к продолжению. А по утрам даже и этого не требовалось. Просыпался в полной боевой готовности, и никакого поощрения не требовалось.

С одной стороны, все вроде бы в высшей степени, замечательно. С другой, вышел совсем не тот результат. Дзинтра еще раз категорически отказалась переезжать, при прощании. Как к этому относиться, он и сам пока не знал. Ничего не бывает просто, прекрасно сознавал, что жизнь на два города ни к чему хорошему не приведет. Сердце щемило. Раньше ничего похожего с ним не было. Изливать душу не хотелось. Слезы в жилетку хороши для нервных школьниц, а он всю жизнь лелеял в глазах окружающих образ сильного и правильного мужика, способного находить решения, а не пускаться нюни.

– И чего это ты так выражываешься – чегой-то? – удивился Андрей. – Деревня! Мы с тобой теперь коренные москвичи. Он хмыкнул. – В первом поколении. Антелехенты. Акать должны.

– Буду стараться! А по этому... То ли плакать, то ли вешаться. Сколько угодно имеется и все отвратительно. И ничего не сделаешь.

18 июня на атомной подводной лодке «К-131», находившейся в Средиземном море, произошёл пожар в электротехническом отсеке. Погибли 13 членов экипажа.

11 октября при посадке в аэропорту г. Омск из-за столкновения со снегоуборочными машинами, сузившими полосу, на взлётно-посадочной полосе разбился самолёт «Ту-154». Причина аварии – чудовищное разгильдяйство наземных служб. Погибли 178 человек.

23 октября при подготовке к выходу в море на подводной лодке «К-424» из-за ошибки экипажа произошел разрыв перемычки ВВД. Погибли 2 человека.

17 ноября близ пос. Сеяха (Тюменская область) потерял управление и столкнулся с землёй вертолёт «Ми-8». Погибли 15 человек.

4 декабря из-за отказа бортовой техники близ г. Кострома потерпел крушение самолёт «Л-410 М». Погибли 17 человек.

23 декабря под г. Красноярск, в районе Зверосовхоза, сразу после взлёта из аэропорта «Емельяново» из-за отказа двигателя потерпел крушение самолёт «Ту-154 В». Погибли 110 человек.

Ничего этого в газетах не будет. И все с человеческими жертвами. И что толку сообщать, про пожар заранее или про летчика вмазавшего вертолет в землю. Или про отказ двигателя? В Интернете все больше общие слова. Надо иметь что-то конкретное. Причину, расследование комиссии. Иначе, просто, в очередной раз, бросят в мусорное ведро. Про подлодки, вообще пахнет диверсией, со стороны доброжелателя, сообщающего место и время. Откуда такие вещи можно знать заранее? Если сам что-то и сделал. Начнут землю рыть всей спецурой.

Еще хуже – потерял управление – это наверняка пресловутый человеческий фактор. Если летчик-вертолетчик не справился с управлением или у него вдруг инфаркт, как объяснить необходимость замены заранее? Вася Пупкин нуждается в лечении от алкоголизма? Так он, наверняка, регулярно проходит медицинскую комиссию. Тупик. Никто даже слушать не станет. Не знаю что делать. Если даже на Североморск наплевали, то фраза в статье про разгильдяйство наземных аэродромных служб нам сообщает, что это общая система. Пока самолет не грохнется, никто и не почешется.

– Вот, – внушительно сказал Андрей, – я тоже об этом. Перво-наперво надо выяснить важнейшую вещь. Откуда нам все это идет. Из нашего будущего, из параллельного или альтернативного мира.

– Ты изрядно подковался, – обрадовался Пашка. – Такие слова теперь употребляешь свободно!

– Хам. Возомнивший о себе. Нормальный младший брат должен молчать и внимать откровению.

– Уже молчу. Слушаю.

– Значит, так... – Он уселся на стул и для внушительности откашлялся. – Теорию мы обсуждать не будем. Что ты, что я, не имеем понятия про разные тонкости мироздания. Переходим сразу к практике. Требуется четкое подтверждение, что мы вообще можем что-то изменить. Я долго штудировал разную литературу на эту тему... Павел с ухмылкой закивал. – Ну и что, что вечно пишут ерунду? Есть нормальные авторы. Я фантастику не люблю, но мы живем в самой настоящей сказке. Вторая абсолютно идентичная плата – это сколько я бегал, пока вышел на того мужика! Он же адреса не оставил, а номера машины мне были ни к чему... Короче, плата ничего странного не выдает. Получается или нам натурально инопланетяне подкинули для развлечения, или какой-то очень странный брак. Изучать при своих возможностях мы не будем. Во всяком случае, пока. Испортить легко, а выяснить что-то серьезное, нужны специалисты, которых мы привлекать не хотим. Значит вывод какой?

– Какой? – послушно переспросил Павел.

– Что стоит и посмотреть наработки всяких писателей-умников и не изобретать велосипед снова. Пиф-паф нам без надобности, воду отжимаем, оставляем суть. Проблема в результате наших действий. То есть, делаем ход сейчас, в Интернете появляются новые данные. Или не обнаруживаются. При втором варианте можно уверенно заявлять, что наше будущее расходится с ихним. Где бы они там не проживали. В параллельном или перпендикулярном мире. Тут появляется интересный нюанс. Со временем возможны расхождения. Раз уж жизнь разная, водитель снегоуборочной машины не выедет на посадочную полосу, потому что с бодуна не проспался, голова у него бо-бо и опоздал на работу. За пятнадцать лет таких накладок станет очень много.

– Ха, – сказал Пашка, – пока все шло точно. Правда, два года не срок, но серьезных расхождений мы не видели.

– Вот и давай искать подтверждение, что это наше будущее.

– Как?

– Просто. Поджигаем автопокрышки на Красной площади и попадаем в газету, как борцы за демократию.

– Еще не хватает. Повяжут и обыск дома устроят.

– Я тебе про сам принцип толкую. Облить краской памятник Ленину или взорвать Дзержинского. Что-то, что обязательно зафиксируют. Жениться на дочке Пугачевой и засветиться на фотографиях. В прессе будущего такие вещи любят. Обязательно вставят картинку и все подробно распишут. Кто на ком и когда. Уж своего родственника она обязательно прищипит на тусовку.

Павел заржал, чуть не свалившись со стула.

– Почему не самой Алле? Сколько там у нее мужей будет? Одним больше, одним меньше. И, – он снова заржал, – я не готов с дочкой иметь дело. Какая-то она слишком худая. Вот на Наташу Королеву согласен.

– Не знаю такой, – озадачено сказал Андрей.

– Ей сейчас одиннадцать, – уже рыдая от смеха, объяснил Пашка, – но будет известной. Такая вся из себя... Грудастая и симпатичная будет. Лет через несколько. Тебе понравится. Ты таких любишь. И как раз хорошо будет знакома с Пугачихой. Впрочем, – икая от смеха, сообщил он, – если на ней ты женишься, они так и не встретятся. Тоже подтверждение нашего воздействия на историю.

– Успокоился? – спросил через несколько минут Андрей.

Брат кивнул, вытирая слезы, выступившие от смеха.

– Все. Уж очень это забавно. Я представил себе, как ты дочку Ельцина охмуряешь. В биографии сказано, что она в 1982 г развелась с мужем. Место вакантно. Правда, девка 60-го года рождения, но разница в возрасте минимальна. Охренеть, – покачал он головой, – какие перспективы.

– Вот это без меня! Высоко взлетишь, больно упадешь. Политики нам не надо. Даже близко не подойду к деятелям в высоких чинах. Они ж наверняка жениха просветят лучше всякого рентгена. Хотя... Надо это дело хорошо обмозговать. В родственники к ответственным товарищам набиваться, – он задумался.

– Ты не спишь? – заинтересовался Павел, не дождавшись продолжения.

– А? Нет. Хорошая идея про дочку. Вопрос чью. Оставим пока. Про Ельцинскую... самое важное, видел я ее фотографии. Нет. Не настолько я люблю деньги. Познакомиться, может, и стоит на будущее, но без этого самого. Обойдусь. Но ты мысль словил. Есть не типичные и любопытные способы. Трахнуть Чубайса топором по голове...

– Но-но, – возмутился Пашка. Мы ж договаривались – без этих штук. Надо чтить уголовный кодекс.

– Да я и не собираюсь. Сколько читаю, не могу понять, за что потомки на рыжего взъелись. Он что один такой был? Стаями ходили. Но так и брызжут слюнями при одном упоминании. По поводу и без повода, склоняют по всем падежам. Убрать из истории – сразу видно будет. Мы ведь что делали? Предупреждали. А зачем? Не проще, просто и грубо переломать ноги тому вертолетчику, чтобы его заменили? Есть шанс, что другой не грохнет. Нам ведь слава ни к чему, а люди уцелеют. Стоят ноги одного, жизнью пятнадцати человек? Стоят. Да вот не объяснишь это ментам. Катастрофы не будет, оправданий тоже. И поедем, мы с тобой, осваивать тайгу за колючкой. Стоит это жизнью пятнадцати человек? А еще сотен других, которых уже не спасем? Как правильно? А кто мне эти пятнадцать и что они для меня сделали, чтобы сидеть за них, а они даже не подозревают о моем существовании? Есть ведь еще и другие варианты. Познакомиться с вертолетчиком и угостить клофелином перед вылетом. Без тяжких телесных повреждений, но с гарантией...

– Клофелин – это что?

– Лекарство обычное. Для сердечников. Легко достать в аптеке. Фокус в том, что с алкоголем вырубает напрочь. Командировочные не раз влетали в гостеприимные объятия девиц. Губу раскатают, а ему вот такое угощение. И жаловаться не пойдет – на работе и дома узнают. Если перемудрить с дозой, можно и не очнуться, но это уж крайний случай. Обычно ничего страшного. Голова потом бо-бо, а пока отдыхал, карманы почистили. И никакого насилия. Но кого поить? Имени летчика у нас нет. Времени, чтобы бегать вокруг аэродрома и выяснять подробности, тоже. Нам ведь работать, и учиться необходимо, а лишние вопросы ни к чему. То есть, это надо проделать в темпе и сваливать, пока не засветился, а не болтаться там.

– И где выход?

– Организация нужна и так, чтобы вопросов не задавали. Дал приказ – выполнили. Выяснить всю подноготную или голову оторвать, не важно. Пачку денег в зубы и бегом-бегом. Не раньше, чем лет через десять, при самых удачных обстоятельствах. А пока... Попробуем еще с Чернобыльской АЭС по моему сценарию. Не верю в положительный результат, но надо. Чтобы совесть не мучила. И все. Распыляться на спасение всех подряд не будем. Займемся проверкой моей идеи. Давай думать, как попасть в Интернет. Памятники трогать не будем, не вандалы, но что-нибудь заметное, желательно никак с нами не связанное, требуется. Хотя, если выбьемся в богатые люди, один пес засветится, но это еще когда будет. А подтверждение хочется получить сегодня. Чтобы планировать правильно. Вот и сделаем выводы, если не удастся. Ищи известных покойников в этом году. Будем думать, и отводить от них косу чучела в белом балахоне.

* * *

– На черта ты мне нужен? – спросил Андрей, заворачивая в переулок.

– На шухере постою, – откликнулся Пашка.

– Слова, какие знаешь. Ты ж у нас умный. Твое дело постигать математику и одухотворенно вещать. Чтоб никто не понимал и все выпадали в осадок. А то – шухер...

– Э... нельзя с нормальными людьми обсуждать высокие идеи. У них глаза стекленеют, мозги отключаются и при твоём виде, стараются перейти на другую сторону улицы. Проще надо быть. Ну, что-то вроде: «И тут я ему раз в челюсть! А он брык и упал. А второй руками голову закрыл и кричит – Не бей! У меня справка из дурдома...». Девушки слушают и млеют.

– И ты debil, и девушки придурочные, – останавливая машину, заявил Андрей. – Ты когда реально дрался, в последний раз, до крови?

– В школе, – с готовностью сообщил Павел. – В седьмом классе.

– Вот и не трепал бы языком. Встретят однажды в темном переулке, тогда будет о чем рассказывать. В таких случаях надо самого опасного сразу вырубать и ноги делать, не дожидаясь, пока порежут. Стаей и шакалы опасны.

– Ты сам меня лишил этих радостей в жизни! Меня с детства трогать боялись. Из-за слишком быстрого на расправу братца.

– Все, – подвел черту Андрей, – идем. Молча. Разговаривать будем потом.

Они вылезли из таксисткой «Волги» и прошли квартал. На улице мелко моросил дождь, и фонари еле светили. Свернули в подворотню и, стараясь не шуметь, заглянули во двор. Новенький ВАЗ 2108 стоял на обычном месте.

Андрей показал брату жестом – стоять. Продемонстрировал кулак, для доходчивости и неторопливо подошел к машине. Обошел вокруг, протыкая шины одну за другой. Уже собрался уходить, вдруг вернулся и с усилием что-то стал царапать на капоте шилом.

– Ты что делал? – шепотом спросил Пашка, когда он вернулся.

– «Спартак – чемпион!» рисовал. На совесть, аж металл разодрал, не только краску.

– Зачем? – изумился Пашка. Потом дошло, он согнулся, уткнувшись лицом в колени, и заржал: – Конспиратор. Думаешь, болельщиков трясти будут? Станет он заявлять из-за этого!

– Станет, не станет... Зато сразу понятно, кто постарался. Да и колеса на улице не валяются, может и обидеться. Пусть поищет. Пока поменяет, да успокоится... Сегодня уже никуда по мокрому шоссе не отправится. Что и требовалось. А завтра не наше дело... Не ехать же было в Батуми и выпасать Хмару Валентину, трагически угодившую под поезд? У меня отпуск по графику и таскаться сзади, страхуя взрослую тетку, никакого желания. Еще примет за маньяка и вопить начнет. Он помолчал и спросил: – Ну, как понравилось, весело ночи проводить?

– Вся спина мокрая. И вроде особо бояться нечего, а нервы играют.

– То-то. Такая фигня... Ночь, свидетелей нет, не грабим, не режем, а поджилки у тебя трясутся. На все нужна привычка. Человек ко всему приспособливается. И к риску, и к крови, но не с одного раза. Время нужно и повторяемость. Да не вижу, зачем к иному приучаться. Ты свои программки пиши – больше пользы.

– А ты спокойный... как... как танк.

– А я спокоен. Для человечества старался. Он хмыкнул. – Потому и в чемпионы не вышел и в бандиты не пойду. Вроде проще всего по мордасам лупить, но мне не в жилу. Там надо всех порвать. Вышел и заранее адреналин в крови бурлит. Поломал через колено и дальше пошел. А у меня голова всегда холодная и счетная машинка в черепе щелкает. А что дальше? А оно мне надо? А нельзя ли все без крови? Я как тот чекист. С горячим сердцем по женской части и холодным умом. Но под памятник Дзержинскому не возьмут. Руки не очень чистые. Он показал свои, на мгновение, отпустив руль машины. – Сколько не мою, все равно под ногтями грязь и масло. А у доблестного гебешника руки должны быть холеными и без мозолей. Вообще, без трудовых мозолей.

– Останови! – резко сказал Пашка.

По тротуару, спотыкаясь, бежала женщина и махала рукой. За ней мчался с невразумительными криками здоровый мужик в расстегнутом пиджаке и матерился на всю улицу. Пока они смотрели, догнал женщину и схватил ее сзади, резко дернув. Она завалилась на бок и дернула ногой так, что туфля, с ноги высоко взлетев, шлепнулась на проезжую часть.

Андрей ударил по тормозам и выскочил из машины, даже не захлопнув дверь.

– Помогите! – кричала женщина, которую мужик энергично награждал оплеухами, не давая подняться с асфальта.

Андрей подбежал сзади и сходу заехал со всей силы ему по почкам. Добавил в изумленно обернувшееся горбоносое лицо. Мужик рухнул на колени и скорчился.

– Ты что сделал? – завопила женщина, продолжая сидеть в луже. Вблизи от нее страшно несло перегаром. – Русланчик, вставай, – трогая боязливо за плечо нокаутированного, запричитала она, с той же интонацией, что раньше просила спасти. – Тебе плохо? Тот что-то невнятно замычал. Андрей стоял, разинув рот в растерянности и не понимал, что ему делать.

Женщина вскочила и завизжала не хуже кошки, которой наступили на хвост.

– Ты что гад натворил? Мужа моего обидел! Что он тебе козлу сделал? Каждое слово пережегалось матом и звучало это от приличной с виду женщины бесподобно. Да я тебя... Тут она попыталась вцепиться ему в глаза и Андрей машинально схватил ее за руку. Дальше уже изо рта принялся изливаться абсолютно непечатный текст.

– Пошли отсюда, – сказал Пашка.

Андрей уже опомнился и небрежно оттолкнул пьяную женщину. Она попыталась снова достать до его лица растопыренными пальцами с длинными ногтями, и он легонько ткнул ее

в солнечное сплетение. Женщина задохнулась и опять села в лужу. При этом она продолжала много и красочно материться.

Садясь в машину, Андрей заметил, что брат сжимает в руке монтировку. Молодец. Не сдрейфил и бежал на помощь. Раз уж сам всю эту дурацкую историю организовал, то остаться в стороне было бы крайне некрасиво. Двигатель по-прежнему работал, он и не подумал его глушить, кидаясь изображать принца на белом коне. Включил первую скорость и резко сорвался с места.

– Вот так и бывает, – со злостью сказал Андрей, после долгого молчания, уже подъезжая к дому, – когда кидаешься спасать. Кричат, рыдают, а потом ты же и виноват. А если хочешь облагодетельствовать всех, то еще и распнут. Чтобы я еще раз, – с расстановкой заявил он, – помчался спасать хоть кого-то незнакомого... Пусть их на куски режут. Еще счастье, что пьяная, а то бы в ментовку заявила. Запросто пришьют статью. Нанесение побоев и еще, какая муть.

– Не зайдешь?

– Сам посмотришь, мне еще работать надо до утра.

Часа через два, высадив очередного пассажира у вокзала, он выскочил из автомобиля и, прыгая по лужам, понесся к первой попавшейся телефонной будке. Нетерпеливо набрал номер, роняя двушки на пол и переминаясь с ноги на ногу, выслушал три гудка. Потом трубку сняли.

– Это я, – сообщил Андрей.

– Федотов Григорий Владимирович, – сказал довольный Пашкин голос, – заслуженный тренер, живет себе, поживает. Добра наживает. Кукушка на вопрос сказала шесть раз ку-ку. Еще шесть лет. А потом надо беречься грузовика. Ты понял?!!!

– Видать судьба у него такая, – нервно хохотнув, сказал Андрей. – На небесах внимательно смотрят за правильной судьбой. Кому положен инфаркт, кому инсульт, а кому и занос на встречную полосу, и встречу с ЗИЛом. Разночтения не принимаются. Да нам насрать. Мы свое очко вытянули. Можно это сделать! Вернусь – отметим.

Он повесил трубку и вернулся к «Волге» не замечая дождя и бессмысленно улыбаясь. Чужие судьбы волновали очень мало. А вот точно знать, как изменить свою – это вставляло, не хуже хорошей дозы водки.

Посидев в машине и в очередной раз, поразмыслив на тему корректировки будущего в своих интересах, он решил все-таки еще слегка поездить. До конца смены еще далеко, а жизнь продолжается. Деньги на дороге не валяются, да и спать неохота. Не то настроение. Развернулся и сразу заметил впереди понуро идущую по лужам фигуру. Короткая ветровка плохо закрывала от дождя, человек ежился на ходу. Андрей нацелился подобрать, но тот, даже оглянувшись на звук приближающейся машины, не стал махать руками.

Он уже хотел проехать мимо, когда вспомнил лицо. Осторожно притормозил, чтобы не забрызгать и, опустив стекло, позвал:

– Садитесь.

– Денег нема, – сказал тот.

– Садись начальник, – повторил Андрей. – Сегодня бесплатно катаю. Настроение такое.

Мужчина остановился и пристально посмотрел на него. Был он не высокий, сутулился и особого впечатления не производил. Не красавец, не атлет, но и не урод. На каждую сотню таких половина.

– Я тебя знаю? – спросил он, усаживаясь и вытягивая ноги, с которых моментально закапало на резиновый коврик.

– К счастью нет, Евгений Васильевич, – с усмешкой ответил Андрей. – Не дай Бог пересечься. Лучше вы сами по себе, а я сам по себе. Но мне вас показывали. Вы ж того

ублюдка, что таксистов убивал, взяли. Огромная благодарность от лица всего нашего, не слишком, иногда, приятного племени.

Сообщать подробности характеристики, изложенной под влиянием алкогольных паров собутыльником в погонах, Андрей не стал. Неизвестно как отреагирует. Прозвучало несколько странно. Вроде и похвала, да сомнительная. «Сметлив, настойчив, готов рисковать, но! – провозглашал собеседник с сожалением, – не прагматик. С начальством ладить не умеет. Так и просидит в майорском звании до пенсии. Или там старшим оперуполномоченным. Выше ему не подняться. Не понимает намеков и в какое время живет. Не раскрываемость важна, а отчетность. Бумажки подшивать выгоднее. Честность и порядочность хороша до определенного предела. Того, где начинаются указания сверху».

– Слух обо мне пошел по всей Руси великой, – пробормотал Евгений Васильевич. – Но чтоб в лицо таксисты узнавали, такого еще не было.

– У меня память хорошая. И на добро, и на зло. Ехать куда?

Аксютин назвал адрес.

– Запросто. Домчу с ветерком, минут за десять. А что пешком по этой дрянной погоде?

– Бензина нет, – угрюмо объяснил тот, – фонды кончились.

– И почему в нашей обильной и богатой стране вечно чего-то нет? Ведь что, казалось бы, проще – сделать перегородку и пассажиры на заднее сиденье. А деньги через окошечко. И не будет удавки на шею от наркомана недоделанного. Так нет же! Пока согласуют и запланируют, сорок лет пройдет. А нам бояться. А вам искать. Простейшее ведь дело и даже материалов особо не требует. Все равно жизнь дешевле. Одним покойником больше, одним меньше. А если позвонят в ментовку, так бензина нет. На этот месяц лимит весь вышел и не стоит беспокоить.

– Ну не надо преувеличивать. Приедут.

– Это в Москве приедут, а в каком Тьмутараканье и не почешутся. Большая страна. Нет в ней одинаковости. Здесь живут так, а там иначе. Где обильно, а где лапу сосут. Это я уж про деревню молчу или про наши дорогие национальные республики. Нигде хуже не живут, чем в самой России. Даже в Средней Азии кушают сытнее, а в Прибалтике вообще мини-Европа. Выставка для приезжих.

– А что есть предложения? – с интересом спросил он Андрея.

– Пожелания. Чтобы, как минимум, в любом магазине от Тихого океана и до Бреста, был всегда обычный набор. Везде одинаковый. Не только продукты, но и вещи. Пусть небольшой, но стабильный. Не тридцать три вида колбасы, разнообразными с ценами, а всего три, но без всяких затруднений. А простейшие уголки и шурупы в соседнем отделе. Всегда. Чтобы не приходилось гвозди домой с работы таскать, оглядываясь на проходной, а за колбасой на электричке из Рязани в столицу ездить регулярно. Чтобы в Астрахани рыба была, а в магазине очередей не было.

– Кто бы отказался? Да вот незадача, начальство куда девать? Да и многие работники с предприятий не согласятся. У них снабжение лучше, чем у соседей. Все у нас на этом построено. Где-то лучше, где-то хуже. А как работников привлекать?

– Зарплатой. За этим и надо, чтобы в магазине было. Больше заработал, больше смог купить. А не «достать», не «продуктовый набор» к празднику и не «выбросили». Не бывает счастья для всех, – убежденно сказал Андрей. – Люди разные. Ум, руки, здоровье, удача – у всех отличаются. Кому с детства красная дорожка под ноги, а кто характера не имеет, и так и будет, на свои сто двадцать с прогрессивкой и тринадцатой зарплатой, до самой пенсии. Не сможет он зубами выгрызти кусок, даже если протянут. Надо не к нижней планке стремиться, а к верхней. Впрочем, – усмехнулся Андрей, – это мечты. Ничего в жизни не бывает правильно. Я, почему тебя взял? Ну, кроме того, что заслужил... Поговорить охота.

Уж больно у меня история занятная вышла, аж хочется на все плюнуть и вместо работы домой уйти. Может, выговорюсь, так полегчает.

Он, похотывая, рассказал в лицах историю спасения несчастной женщины, и чем она кончилась.

– А не смешно, – сказал Аксютин. – Самое опасное – это встрять в домашние разборки. Не урки с синими татуировками, с головы до ног и с ножами, а именно обычная бытовая свара. Сто раз уже было и все привыкли. Ну, орут, так и что? Не слишком красиво прозвучит, но мы с профессиональными преступниками, играем по определенным правилам. Это не закон, а именно правила, прекрасно знакомые всем. Если специально подлянть не делать, так еще и уважать будут. И я их тоже. Любить не обязан, но уважение, к некоторым испытываю. Бывают очень умные и изобретательные деятели. Я ловлю, они прячутся. Смогли – молодцы. Я поймал – так работа такая. Никогда они обижаться не станут. Прекрасно понимают, как все работает. Отстреливающийся из нагана киношный уголовник, чисто экранное зрелище, для никогда не сталкивающихся с этим, в реальной жизни. А вот от пьяных, распаленных супругов, неизвестно что ждать. И топором по голове засветить могут, без раздумий, чисто по пьянке. И ножом покромсать на куски, без проблем. Потом будет волосы на голове рвать и рыдать, да поздно. Привозят очередную бабу в больницу, ребра переломаны, башка пробита. С лестницы, говорит, упала. И ведь все знают, что муж избил, не в первый раз. Давно пора его отправить в дальние края на перевоспитание. Но заявления не напишет ни в какую. А с кем дети будут? Нужен им подобный папаша, распускающий руки. Потом шакалье из них обязательно вырастет, чужую жизнь ни в грош не ставящее или зашуганные на всю жизнь. А без бумажки мы тоже делать ничего не будем. Вот убьет – совсем иначе посмотрят, да поздно будет. Ты смотри, – сказал он, обнаружив, что уже подъехали к дому, – если будут проблемы – заходи. Помогу. С этим – да.

– А если другие сложности? – мгновенно спросил Андрей.

– Смотря какие. С ГАИ сам разбирайся. Ну, будь! – открывая дверь, попрощался. – Спасибо тебе...

1986 г

Заявление М. С. Горбачёва о программе полной ликвидации ядерного оружия во всём мире. *Он нормальный? Никто не согласится.*

Впервые зафиксирован компьютерный вирус *Brain*. *Поставить антивирус на ящик немедленно.*

АЗЛК собран первый автомобиль модели Москвич-2141. *Еще одно ведро с гайками.*

XXVII съезд КПСС. Утвердил новую редакцию Программы КПСС и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986 – 90 годы и на период до 2000 года» (курс на строительство коммунизма) и Устав партии. *Коммунизм уже не за горами.*

Президиум ВС СССР принял указ об образовании общесоюзного Государственного комитета СССР по вычислительной технике и информатике. *А вот это нам в жилу.*

Цена на нефть, впервые опустилась ниже 10 долларов за баррель. *Зерна не будет?*

Выписки событий из Интернета с комментариями Андрея.

* * *

Андрей вернулся домой поздно. Люди уже во всю веселились, встречая Новый 1986 год, а он все до позднего вечера наливал художникам и выслушивал излияния и жалобы. Хорошо, что от рождения терпеливый. Кой кого давно бы стоило пришибить за нудность и повторяемость. А за бесконечные жалобы и веру в козни окружающих и в первую очередь начальства, расстрелять без права на адвоката. Больному на голову ничего не объяснишь – он всегда лучше всех знает. Та еще публика. Совершенно без тормозов и в любое время выкидывающая невесть что.

Для многих из них Андрей давно стал ангелом-хранителем, всегда готовым ссудить десятку или принести очередную бутылку. Пила богема, куда там его знакомым общежитским, из родного города. Те гуляли, время от времени, а эти всегда. Тяжелая жизнь у бедняг. Не понимают, не ценят и все прочее по списку. Крайне необходимо нажраться и забыться.

Идея пришла перед знакомством с Дзинтрой, когда он искал подарок. Поразмыслив, Андрей сообразил, что совсем не плохо подключиться и к этому делу заранее. С серьезными коллекционерами ему не тягаться, но, абсолютно верно зная, чьи картины поднимутся в цене из современников, он регулярно окучивал нескольких таких деятелей. Денег они не возвращали, зато свои рисунки и картины охотно раздавали запросто. Иногда даже приходилось отбирать более удачные.

Хорошо искусствоведам, а его от разного абстракционизма тошнило. Приходилось терпеть, прокручивая в голове ценник в долларах, но при этом имелись у него свои любимые малеватели. Наиболее нормальные и понятные. Вот Егоров здорово передавал настроение и чувства. Вроде ничего особенного. Две не очень четкие фигуры – мужская и женская. Однако поза в движении так откровенно сообщала про распутную жену, готовую упасть в объятия сантехника, что никаких пояснений не требовалось. Выставить такое в СССР никто бы не посмел. Егоров это прекрасно знал... и рисовал.

Когда-то он преподавал в художественном училище, но слишком много закладывал за воротник и его уже давно не брали никуда на работу, наученные горьким опытом. В любой

момент, он мог запить до зеленых чертиков и не появиться на важнейшем мероприятии. Приятели, изредка, по старой памяти, подкидывали халтуру, так что на жизнь хватало.

Картина обошлась в две бутылки и связку сушеной рыбы на закуску. Через двадцать лет часть его художеств, не пропавших после смерти творца на помойке (а теперь уж если куда и денутся, так лично в Андрееву коллекцию), попадут в музеи и на Запад. Не миллионы, но десятки тысяч фунтов стерлингов они стоить будут. Особенно Егорову удавались рисунки карандашом. У Андрея уже собрался целый альбом. Художник их совершенно не ценил и просто выбрасывал.

Иногда тянуло за язык рассказать о будущем и попытаться вразумить, но что толку? В лучшем случае, посмотрел бы на сообщающего подобные вещи, как на больного. Да и бесполезно это. Если человек сам не желает бросить пить, а он не хочет, заставить его не удастся. При первой же возможности вновь нажрется.

Из комнаты доносились голоса, там явно уже отмечали праздник. Он еще снимал пальто, когда появился Пашка, прислонился к стенке и стал смотреть с нахальной ухмылкой.

– Что это ты братишка принес? – спросил он. – Опять далеко идущие планы?

– Ты сделал какую-то пакость, – уверенно заявил Андрей. – Приглашение однокурсников на это не тянет. Нормальное дело. Мать отправил к соседям? Тоже ничего страшного. Не впервой. Давай, колись. Мне не нравится твоя самодовольная рожа.

– А мне, – тихо сказал Пашка, – когда пихают в спину. Я не могу по заказу с девчонкой. Хватит. У меня просто не стоит, когда в самый ответственный момент подумаю, зачем это надо и начинаю представлять, как ты мне советы из-за спины даешь. Вот и покажешь класс. Я привел Свиридову. Познакомишься и вскружишь голову. Он хихикнул. – Вперед! Покажи пример младшему неразумному брату. Без наставлений. Сплошной натурализм.

– Где? – мысленно сплюнув, потребовал Андрей.

– А вон, – продолжая ухмыляться, сообщил брат, показав в приоткрытую дверь, – третья слева. В черном платье с открытой спиной.

Андрей присмотрелся. Нормальная фигурка у девочки. Маленькая, но грудь вполне ничего. Тут она оглянулась. Мда... А личико подгуляло. Не уродка, но падать на колени и объясняться в любви не тянуло. Не поверит. Решит – парень издевается.

– Еле уболтал через подружку. Тоже не из простой семьи, но компанейская. Чур, не клеится! Моя.

– А по делу можно конкретно? – скривился Андрей.

– Вся из себя домашняя девочка, – готовностью доложил брат. – Зубрилка и отличница. Аристократка из лучших домов Парижа. Все отдельно и в стороне, с нами, плебеями, практически не общается. А если уж разговаривает, как рублем одарит. Такое невообразимое одолжение делает. Ну, нет таких крепостей, которые не может взять рабочий класс. Дерзай. А мне больше голову не морочь.

– И сделаю! – раздраженно сказал Андрей.

– И сделай! А я посмотрю...

Андрей вошел, приветствуя дружески студентов. Большинство он прекрасно знал, не в первый раз сталкивался. Поприветствовал комсорга Валеру, уже явно набравшегося и прошел вдоль стола и пожимая руки, под приветственные возгласы. Девчонок и парней было примерно поровну, и настроились они гулять всерьез. Новый год бывает только раз в году. Он приземлился рядом с объектом.

– Я Андрей. Брат Павла.

– Марина, – ответила она. Голос был приятный. Глаза большие с длинными ресницами. И шея трогательно-беззащитная, с высоко подобранными волосами. Совсем ей не идет прическа, смотрится как у престарелой училки. Подружка ему понравилась гораздо больше, но покушаться на Пашкину пассию он не собирался.

– Штрафную! – заорали напротив. – Полную. До дна!

– За знакомство? – предложил Андрей, беря бутылку.

– Нет, – поспешно отказалась Марина, – я не буду.

– Ну, нет, так нет, – покладисто согласился он.

– А мне нравится, – доказывал один из студентов рядом, – вы посмотрите на Горбачева.

Он же без бумажки говорит! Это чудо!

– Особенно после предыдущих мумий, – поддержал кто-то. – Те сами на трибуну подняться не могли, а что говорили и сами не понимали.

– А что там понимать? Они, что ли, писали? Там эскадрон секретарей и референтов трудился. Один пишет первый абзац, второй цитату соответствующую вставляет. Потом еще взвод проверяет и перепроверяет. Ему остается озвучить. Да никто и не слушает. Общий шум для публики и докладная независимо от речи разбирается на цитаты...

Они заспорили, обсуждая новую реальность. Андрею было не до политических выкриков. Он предложил Марине опробовать пирожки, потом рассказал про замечательные свиные ребрышки, которые готовит мать. Выдал неплохой анекдот, почерпнутый в Интернете. Реакция была странная. Вернее, практически никакой. Она что-то пробормотала неразборчиво и кушала как птичка.

До него внезапно дошло, что девушка просто стесняется. Это ж все математики, с другого факультета, а он вообще незнакомец. Он осторожно положил свою ладонь на ее тонкие пальчики, лежащие на столе. Возмущения не последовало. Просто рука осторожно выползла и убралась в сторону. Во взгляде легкое удивление. Он наглец или это случайность?

– А как мы откроем? – с возмущением спросил Валерий, тот самый секретарь ВЛКСМ факультета и будущий олигарх, демонстрируя бутылку вина. – Штопор нужен.

– Я принесу, – поспешно вскочила Марина.

Андрей посмотрел ей в спину. Ничего, сзади нормально смотрится. Маленькая, как старшеклассница, но все пропорционально. А грудь выше всяких похвал. Народная мудрость гласит: «Не с лица воду пить». А в темноте и постели, вообще все вообще одинаковые. Ни морда, ни рост роли не играют. Особенно в данной ситуации. Во-первых, утереть Пашке нос, показав, что слова не расходятся с делом. Во-вторых, пора заканчивать строить планы и переходить к их реализации. Начинать надо уже сейчас, время поджимает и это не самый плохой вариант.

Опрокинул очередную рюмку с водкой в рот, поднялся и неторопливо пошел следом. В голове слегка шумело, на прошлые дрожжи, от отвлечения с Егоровым, еще добавилось, и сейчас ему было море по колено.

Марина стояла у холодильника, держа в руке штопор. Она взглянула на вошедшего парня и сообщила:

– Уже нашла.

Он подошел, словно невзначай, притиснул к стене и ни слова не говоря, поцеловал девушку. Она от неожиданности пискнула и замерла. Губы Марины были сухими и неумелыми. От нее слабо пахло приятным запахом дорогих духов и молодого чистого тела.

Неожиданно она с силой оттолкнула его и попыталась шагнуть назад. Отодвигаться было некуда. Спереди над ней нависал Андрей, сзади была стена.

– Ты что? – в искреннем изумлении спрашивает. Глаза бегают, щеки покраснели. Из волос выскочила шпилька, и они ничем не сдерживаемые упали вниз, струясь до самой попы.

– Разве можно прятать такую красоту? – задумчиво спросил Андрей и, протянув руку, провел по мягким прядям. Правая рука скользнула за спину, левая властно взяла за затылок, и он притянул ее снова к себе, впившись в губы. Слабая попытка сопротивления была задавлена на корню. Шансов вырваться у Марины было не больше, чем у теленка, попавшего в лапы медведя. Она замерла, смирившись. Во рту у нее гулял чужой язык, руки ползали по

телу, спускаясь все ниже. Марина вдыхала запах табака, алкоголя и мужского пота и в голове звучало: «Ой, мама, мамочка»!

Он начал целовать шею, потом ключицу. Почему-то Марине совершенно не хотелось сопротивляться. Руки самостоятельно обняли Андрея за шею, ноги подкашивались. Он что-то шептал ей на ухо, рука настойчиво гладила бедро, и от нее несло жаром.

В кухню вошли, держа в руках тарелки две студентки, и Андрей отпустил девушку. Марина, тяжело дыша, нагнулась, подбирая заколку с пола. Торопливо сколола волосы и, задев его по дороге плечом, рванулась в холл, слыша за спиной хихиканье. Она прошла к столу. Неловкость и скованность чувствовалось в каждом движении. Ей казалось, что все знают, что произошло и обсуждают. Он сел рядом и протянул большой бокал.

– Пей!

Марина опрокинула в себя, не ощущая вкуса. Андрей уважительно покачал головой. Выхлебать мгновенно почти полный стакан водки – это суметь надо. Обнял ее за талию и подsunул тарелку с каким-то салатиком. Налил еще раз. Она, не задумываясь, мгновенно выпила вторично. Щеки покраснелись, глаза уперлись в тарелку и на поглаживание по коленке никакой реакции.

– Мне надо домой, – слабым голосом сообщила девушка.

– Время еще детское. Да и родителям иногда надо от детей отдохнуть.

– Мне надо, – пробормотала она, слабо соображая. – А дома все равно никого нет. Они к знакомым уехали.

– Тогда пошли, – помогая ей встать, согласился Андрей.

На улице он минут двадцать ловил попутку. Все ехали домой или в гости, и никто не желал останавливаться. Было холодно, и он изрядно протрезвел. Потом тормознул старый ушастый «Запорожец». Залазить на заднее сиденье, пришлось, поднимая кресло, внутри было тесно, но Андрея это очень даже устраивало. Всю дорогу он продолжал ее целовать и незамедлительно полез расстегивать дубленку, лаская грудь, шею и рассказывая девушке про ее красоту и неотразимость. Водитель делал вид, что ничего не видит и не слышит. Новый год...

Жили Свиридовы в доме для начальства, недалеко от проспекта Калинина. Четырехкомнатная большая квартира с двумя (что больше всего поразило Андрея) туалетами и огромной ванной. Но это он выяснил уже потом. Пока что заметно не вооруженным глазом, что родители Марины непростые люди. Вся мебель импортная, книжные полки с дефицитной литературой и подписками, длинными рядами вдоль стен. Присутствовал и видеомагнитофон. Немногие себе могли позволить. Слишком дорогое удовольствие. Уж он-то точно знал. Последнее время торговля видеокассетами приносила немалый доход, и работники с заводов за ними не обращались. Ходили слухи, что на ВДНХ представлен на выставке советский, но любоваться на него желания не возникло. Как и на прочие достижения, которые потрогать нельзя.

– А кофе у вас имеется? – помогая снять дубленку девушке, спросил Андрей.

Напрашиваться в гости он не стал. Просто взял за руку и провел до двери. Отобрал ключи и сам открыл дверь, галантно пропустив вперед себя и не забыв хлопнуть по упругой попке. Уже в прихожей в очередной раз поцеловал, так что с Марины шапка свалилась под ноги. Она уже принимало это как должное. Помог снять дубленку и придержал за талию, пока она снимала замшевые сапожки. Девушку ощутимо шатало, на ногах она стояла не твердо.

– Конечно, – обрадовано подтвердила Марина. – Бразильский. И выпить тоже имеется. В голосе была гордость, как будто в этом имелась ее огромная заслуга.

– Тогда я руки помою, – поставил в известность Андрей, снимая пальто и ботинки. Тапочки он надевать не стал, ну их – чужие. Проследовал по коридору прямо в носках. Грязи нет, сойдет. Не Егорьевский бомжатник. Вот там боязно коснуться липких поверхностей.

Марина ушла, оглянувшись с удивленным выражением в глазах. Очень похоже, что она не понимала как себя вести и уж домой раньше никого столь нахального не приводила. Андрей успокаивающе улыбнулся вслед и направился в ванную. Заглянул по дороге в комнаты и, обнаружив роскошную двухспальную кровать в спальне, кивнул собственным мыслям. В комнате, явно принадлежавшей Марине, на столе громоздилась куча учебников. Андрей посмотрел обложку верхнего, и бросил назад. Филология. Еще одно никчемное занятие, для не знающих чем себя занять девушек.

Марина на кухне поставила две чашки на кухонный стол и, нагнувшись к одному из ящичков, что-то там искала. Сахар или ложки, не особо интересно. Движения были дерганные, хмель хорошо ударил ей в голову. Андрей мысленно вздохнул. Пьяный кураж изрядно выветрился, но надо доводить дело до конца, раз уж взялся. Да и хотелось Пашку поставить на место. Зря, что ли трое суток ковырялся в Интернете, выясняя про незамужних девиц с перспективными папашами в ближайших окрестностях? Если не смотреть в лицо, вполне себе ничего попка. Да и все остальное на уровне. Где надо выпукло, где требуется тонко. На ощупь вполне ничего. Может оно и к лучшему. У красавиц вечно завышенные ожидания и скверный характер. А эта тихая и послушная.

Он тихо подошел, положил руки ей на плечи и, наклонившись, поцеловал в шею. Марина опять замерла и молчала не двигаясь. Руки пошли дальше к груди, а губы скользили по шее. В голове у нее опять зазвучало: «Ой, мама, мамочка!» Одновременно хотелось продолжения, и было страшно. Ноги дрожали, не держа и подгибались.

Он потянул ее вверх, поднимая и одновременно, отпихнув ногой стул в сторону, прижался сзади. Отстранился, быстро расстегнул штаны, одним движением сбрасывая с себя, вместе с трусами. Потом чуть наклонил ее вперед, так что она легла грудью на стол, и резко задрал платье. Трусики даже снимать не стал, мимоходом удивившись их виду. Не привычные зимние женские теплые портки, а нечто воздушно-импортное. Отодвинул ткань в сторону и резко вошел. Марина тихо вскрикнула, но опять же послушно позволила собой управлять. Так и осталась в положении, которое Андрей ей придал.

«Ну, Пашка, – с возмущением подумал Андрей, продолжая энергично действовать, – хоть бы предупредил, что она парня никогда не имела. Двадцать третий год девке, а до сих пор не целованная».

Чашки одна за другой слетели на пол и разбились, но ему в этот момент было не до всякой ерунды.

Андрей повернул Марину к себе и жадно поцеловал. На ее лице были две дорожки от слез, в глаз испуг и растерянность. Он их старательно покрывал поцелуями, бормоча что-то вроде: «Ну что ты Мариночка» и еще какие-то глупости, совершенно не заботясь о смысле слов. Лапая послушное тело уже совсем беззастенчиво и по-хозяйски, принялся целовать губы и тонкую шею. «Не садись Маша на пенек, не ешь пирожок, – мелькнуло у него в голове. Медведь придет и поймает. Съесть не съест, но кое-что другое непременно».

Возбуждение снова накатило, и он посадил ее на стол, быстро сдернул платье, задранное чуть ли не на шею. Потом снова настойчиво целовал лицо, плечи, сполз ниже, и нетерпеливо расстегнув бюстгальтер, швырнул его куда-то в сторону. Туда же полетели ее трусики, причем она послушно приподнялась, давая возможность их снять. Обхватила его руками и ногами, прижалась и только вскрикивала от очередного толчка.

* * *

Андрей проснулся и, повернувшись, обнаружил, что в кровати он один. На фоне окна, в свете уличных фонарей, темнел женский силуэт. В руке у нее слабо мерцал огонек сигареты.

– Ты что, куришь? – хриплым со сна голосом спросил.

– Редко.

– Бросай, – приказал Андрей. – Иди сюда, – он похлопал по одеялу.

Марина послушно погасила сигарету и подошла, осторожно усевшись рядом. Двигалась она скованно, перестарался. Андрей обнял уже не девушку и поцеловал в макушку. Она была холодной и опять напряженной. Марину слегка знобило, но не от холода, в квартире было тепло, а от нервов. Трогать ее сейчас не стоило. Пусть подживет все, слишком он был бесцеремонным. Шампанское сейчас без надобности.

Он обнял ее, прижимая к себе. Погладил по длинным волосам, собирая их вместе, и осторожно принялся расчесывать, взятым с тумбочки гребешком. Где-то он читал, что это успокаивает. Да и приятно привести в порядок все это спутавшееся богатство. Пряди были длинные, пушистые и вся грива смотрелась роскошно. Можно закутать Марину в нее. А еще лучше заплести в косу, а не ходить с этим старушечьим пучком на голове, – говорил он ей на ушко. Это помогло. Мускулы расслабились, и она охотно начала поворачиваться, помогая ему.

Он укутал Марину одеялом и поцеловал в макушку.

«Через несколько дней продолжим, – благодушно подумал Андрей. Будет время осознать, что жизнь полностью изменилась».

Еще ожидаются серьезные проблемы с ее родителями. Не их круга женишок прискакал. Про Ахматову и прочих Пастернаков понятия не имеет и высшее образование отсутствует. Наверняка, они мечтали совсем о другом зяте. Ничего, перетопчутся. Первый барьер взят. Никуда они не денутся, укладывая Марину на бок, как ребенка и позволяя ей, повернуться удобнее, усмехнулся он. Пристроился вплотную, согревая и приучая к себе. Буквально через минуту она заснула. Устала девочка.

Ну, ничего – процесс, как еще скажет наш дорогой Горбачев, пошел. Стеснительную скромницу только так и можно взять. Натиском и наглостью. Долго окучивать было бы серьезной ошибкой. Нельзя оставлять возможность подумать. Исключительно стремительная атака. Можно было заработать по морде и пришлось бы отступить, но все вышло как надо. Ну да про барышню и хулигана не нами придумано. Правильно воспитанные девушки читают о высоких чувствах, а замуж выходят за стопроцентных хамов. Романтика!

Нельзя сказать, что он ангел небесный, но доводить до слез, задача не стоит. Предстоит приложить немало терпения, не нажимая, ничего не форсируя. Получится. Никуда не денется. Ночью она была мягкой и податливой. Слезы мелочь. Уж слишком неожиданный переход от тихой размеренной жизни к взрослым отношениям.

Утром он обнаружил свои вещи аккуратно разложенными на стуле. Натянул трусы, подумал и отправился в душ. Как положено в доме высокого начальства, там все импортное. Финская сантехника, румынский шкафчик, чехословацкая плитка. В таких вещах он навострился разбираться не хуже товароведа. Этому помочь, тому подсказать. Во многих магазинах его уже знали, а он продолжал упорно наводить мосты на будущее.

На самом деле жизнь была совсем не легкой. Работа посменно, в промежутках свои торговые дела, отдельно многочасовые поиски в Интернете по делу и просто в поисках информации. С экрана большие тексты читать тяжело, но другого способа они не изобрели. Принтеры появятся еще не скоро, а мастерить самоделку не хотелось. Опять легко попасть

под подозрения неизвестно в чем, если тоннами таскать специальную бумагу, да и следов оставлять не хотелось.

Пашка умудрился поставить собственноручно сделанную программу на компьютер, и теперь чтобы попасть в Интернет, надо было знать пароль и куда его вводить. На экране ничего странного, без этого, не появлялось. Брат вообще прослыл молодым дарованием, радуя преподавателей интересными открытиями, и впереди светила аспирантура. Не имей они ясного плана на будущее, совсем неплохо бы устроился.

Даже из дебильных книжек будущего можно иногда извлечь любопытный рецепт заработать. Авторы все больше представляли себе идеальную жизнь, совершенно не задумываясь, отчего все стало так плохо. Ага, марсиане прилетели в обнимку с внедренными агентами империализма. К сожалению, если люди тащат постоянно с работы и также регулярно берут взятки, стыдливо именуемые подарками, то в новых условиях они будут делать точно тоже. На более высоком уровне.

Посмотреть биографии будущих миллиардеров – все сплошь комсомольские, партийные и советские работники. Не самого высокого уровня, старики не успели перестроиться, как их схарчевали, за редким исключением. Но молодые и резвые уже хорошо умели решать вопросы и имели необходимые знакомства на самом вершине. А где блат, там и бумагу необходимую подпишут. Просишь ты из фондов для выполнения плана или лично для себя, значения не имеет. Все равно нарушение законов и себе на пользу. Не забудь делиться и все будет прекрасно. Пока сверху не придет команда «фас», никто тебя не тронет.

Да на самом деле и в советские времена воровали миллионами и до самого верха с готовностью брали на лапу. Рыбное дело, краснодаро-сочинское, Елисеевское, узбекское, Чурбанов, Щелоков. И это только что на слуху. Там тащили миллионами и вручали дорогие подношения вплоть до министров. По национальным республикам в открытую платили за должность и никто не удивлялся. Все дело в психологии. Когда слышишь, что украли огромные деньги и сравниваешь с тем, что сам лично или твой сосед скомуниздил, в советское время, невольно хочется удавить врага народа. Не себя, понятно.

На кухне был наведен полный порядок и его уже поджидал заставленный стол. Неизменные говяжий язык, салат оливье, котлетки. Имелись еще и бутербродики с черной и красной икрой, салатки, крабы, шпроты. Словом, все, что бывает на Новый год. При его виде Марина мгновенно извлекла из холодильника еще и запотевшую бутылку «Столичной».

Андрей обнял девушку, мысленно усмехнувшись, что встречала она его с тщательно заплетенной косой. Не зря ночью внушал. Принято к исполнению. Не хватало в руках только хлеба-соли с поясным поклоном. Но вместо сарафана был халатик, открывающий ноги выше коленок и тоже смотрелось недурно. Поцеловал в щеку и уселся, готовый отведать, чего там послал ему спецраспределитель.

Она терпеливо подождала, пока он насытится. Сама отказалась разделить компанию, сообщив, что уже ела, но старательно подкладывала Андрею на тарелку и суежилась по кухне.

– Что-то хочешь сказать? – спросил Андрей благодушно, отваливаясь от стола и ловя ее за косу, во время очередного броска, на этот раз, за забытой солью. Все равно заметно было, что ей что-то надо, но спросить или боится, или стесняется. Он поспорил сам с собой о теме и катастрофически проиграл.

Марина густо покраснела, опустила глаза и спросила:

– Ты придешь познакомиться с моими родителями?

«О, как, – подумал Андрей, – а приду ли я к ней снова, спросить не хочет?».

Погладил мысленно себя по голове и торжественно наградил медалью «За заслуги на половом фронте».

– Так дело не пойдет, – усаживая ее к себе на колени, заявил он. – Мы с тобой еще даже цветочно-конфетную стадию не прошли. Поцеловал ее в шею, и продолжил: – Нормальные люди должны немного повстречаться, познакомиться поближе...

– Куда уж ближе, – пробормотала Марина.

– Тем более, – внушительно изрек Андрей, сам не очень понимая, что сказать хотел. – Послезавтра у тебя, когда занятия кончаются?

– В три. А почему...

– Завтра я работаю ночью. Извини, но после этого не до прогулок. Он снова поцеловал Марину в щеку. – Договорились?

– Да, – послушно согласилась она.

– А кто у нас родители? – небрежно спросил Андрей.

– Мама преподаватель на кафедре истории КПСС, а папа в КГБ служит, – запнувшись, сказала Марина.

– Я страшно испугался, – старательно содрогнувшись всем телом, заявил Андрей и рассмеялся, прижимая ее к себе теснее. Он точно знал не только звание, но и приблизительное поле деятельности папы. Марина смущенно улыбнулась и положила голову Андрею на плечо. Похоже, действительно, опасалась, что с воплями убежит. А врать глупо, все равно узнает, если придет с визитом. – В три, – прошептал он на ухо, – послезавтра.

* * *

Встречная машина, выезжающая со стоянки, мигнула фарами, и Андрей послушно остановился напротив. Не узнать «жигуль» было сложно. Сам выбирал, договаривался и все проверял. Деньги – тьфу, попробуй, приобрести, ничего не понимая. Без него вокруг НТТМ¹ вообще ничего не происходило. Дело новое, перспективное и он с кучей идей. Как не взять на работу, даром, что к комсомолу имеет очень отдаленное отношение. Нет, комсомольский билет имеется, прямо у сердца лежит в нагрудном кармане. И взносы заплачены. Вот когда на собрании был, уже и не помнит.

– Слушай, – сказал Валера, опуская окно и наклоняясь в его сторону, – там тебя дожидается какой-то мутный мужик. Зачем, говорить категорически не желает. Не нравится он мне. Так и несет легавым.

– Как выглядит?

– Крепкий такой... Жилистый. Сутулится. Виски седые. Глаза неприятные. Посмотрит и ощущение, что в курсе, что на завтрак ел.

– А! У тебя глаз-алмаз. Натурально – мент. Но это не по нашим делам. Старый знакомый проведать зашел. Все нормально.

– Ну, сам смотри, – поднимая стекло, заявил Валера. Похоже, не слишком поверил в добрые намерения незваного гостя.

– Как машина? – любопытствовал Андрей.

– Зверь, – восторженно заверил Валера, махнул на прощанье и тронулся, старательно глядя вперед. Опыт самостоятельного вождения у него был огромен – целых две недели. Пришлось еще и поездить с ним в качестве инструктора несколько дней, пока не перестал вцепляться в баранку, как падающий в пропасть альпинист за страховочную веревку.

– Мое почтение, Евгений Васильевич, – протягивая руку, сказал Андрей, обнаружив Аксютину в коридоре, внимательно рассматривающего стенд с достижениями. – Судя по отсутствию на подхвате сотрудников и понятых, а особенно благодушному выражению лица, репрессий ожидать не стоит.

---

¹ Для тех, кто уже не помнит – дом научно технического творчества молодежи. Предшественники кооперативов.

– Не сказал бы, что такое уж замечательное настроение, – крепко пожимая руку, отозвался тот, – но поговорить надо. Пока без присутствия лишних ушей. С глазу на глаз.

– Без проблем, – согласился Андрей. – Заглянул в комнату и попросил: – Павел, свали на часик куда-нибудь.

– Я занят.

– Надо, – с нажимом потребовал Андрей.

Брат, недовольно бурча что-то совершенно неприличное, поднялся и, прихватив сигареты со стола, вышел.

– Ну, – бодро сказал Андрей, разглядывая визави, крутящего по сторонам головой, – вот мы в гордом одиночестве остались.

Ничего особенного в кабинете не было. Стол, стулья, шкаф. Обычная контора. Еще и плохо убранная. Не успели еще нормально устроиться. Только-только въехали.

– Брат? Похож. Андрей молча ждал продолжения. – Ты был прав, – посмотрев ему в глаза, сообщил Аксютин. – Обычная халатность судмедэксперта. У нас еще и не такое бывает. Вторая группа крови и никаких отклонений. Мне стоило очень серьезных нервов, добиться перепроверки и повторного задержания. А он даже не особо запирался. Сейчас колют этого урода. Не меньше сорока убийств. Дети, женщины. Вероятно больше. Вроде бы положено тебе медаль выдать, но, во-первых, возникает вполне законный вопрос, откуда тебе известны обстоятельства и разные милые подробности так точно. В газетах не печатали.

Андрей невольно хохотнул.

– Не вижу ничего смешного. Даже в милиции не принято делиться некоторым вещами. Сразу появляется подозрение, что ты реально что-то видел. А ведь он жил не в Москве. За эти годы под двести тысяч человек прошерстили, и тебя там близко не было.

– Проверил меня на причастность и вшивость?

– Обязательно. Не был, не привлекался, не сидел и почти чист. Мелкая спекуляция не по-моему профилю и не волнует. Кто этим не занимается? Тогда как объяснить твою просьбу? Это вот любопытное во-вторых. Откуда эта страсть к анонимности? Ты мне его сдал. Реально в подробностях. Но страшно не хочешь известности. Почему? Ясный хрен я не запросы посылал официальные, зачем волну гнать без причины, с людьми интимно побеседовал. Нормально о тебе отзываются. Ну, это еще не показатель. Чикатило тоже был положительный, да вон чего выкинул. Не нравится мне эта история. Очень не нравится. Хотелось бы услышать объяснения. И желательно внятные.

– Выпьешь? – спросил Андрей, доставая из сумки бутылку.

– Почему нет? Только в кино советские следователи отвечают: «Я на работе»

– Вызывает как-то директор секретаршу, – разливая по немытым стаканам водку, начал Андрей, – заваливает ее на стол и начинает расстегивать штаны.

– Что вы делаете? – с изумлением воскликнула та.

– А что такое? – удивился директор. – Мы ж не пьем и не нарушаем указ Горбачева!

– Смешно, – без улыбки сказал Аксютин. Опрокинул стакан в глотку привычным движением. – Но не по делу.

– Когда я пошел к тебе, – серьезно сказал Андрей, – прекрасно понимал, чем это кончится. Хорошо обдумал, что говорить. Все равно здесь не угадаешь и реакцию не предскажешь. Повернуться по всякому может. Но на прямой вопрос имеет смысл дать откровенный ответ. Вот скажи, как ты относишься к разным колдунам, ведьмам, цыганам, наводящим порчу?

– Есть «ведьмы» и ведьмы. А иногда Ведьмы. Я привык верить фактам. Профессия такая. Одни действительно что-то могут, но не всегда. Приходилось сталкиваться. Другие искренне верят, что могут, а сами не в зуб ногой. А есть просто жулики, делающие деньги.

И что интересно, они тоже, иногда, помогают. Если веришь. Самовнушение. И что дальше? У тебя есть тетка, вещающая под гипнозом? Нет. Я точно знаю.

– Заходим с другой стороны. Имя американского писателя Стивена Кинга знакомо? Перевод в «Иностранной литературе»?

– Что-то слышал, но не видел. Не люблю ужасы в книгах и на экране. Вполне в жизни хватает.

– Зато мне очень понравилось. Жил на свете парень, – сообщил Андрей, – сам пришел – слушай внимательно и не корчь рожу недовольную. Вон, наливай по второй, тебе полезно будет. Алкоголь помогает выбивать из шаблонного мышления. Так вот... Попал в аварию и впал в кому. Пять лет в виде репки. Потом очнулся. И все бы ничего, но выяснилось, что, пожимая руку, может узнать о человеке вещи, которые тому совсем не интересно обнародовать. И что еще хуже – о будущем этого рукопожимателя. Тому еще в голову не стукнуло, а парень точно знает, куда он пойдет через несколько лет и что совершит. Одна проблема, после этого страшно болит голова, так и до инсульта не долго. Врачи прямо сообщили про последствия. А люди, когда узнали про столь неординарные способности, стали толпами ходить, и не всем его пророчества понравилось. Вот как отказать матери, если у нее ребенок пропал? А как сообщить, что еще пропадет? Непременно решит, что он и сглазил. Короче, смылся, стал жить, где его не знают, и завел привычку ездить на предвыборные собрания. Будущие президенты жмут руки избирателям. Вот на очередном и нарвался. Увидел третью мировую по вине будущего руководителя США. А кому скажешь? Это будущее. Не проверяется. Пока не случится, никакая полиция не вмешается. Еще ничего не произошло. Нет тела – нет дела. Взял ружо и пошел убивать. Его застрелили и после смерти нашли в мозгу опухоль. Так и написали в газетах: Психически неуравновешенный тип. Галлюцинации на почве давления опухоли на мозг.

– Хм...

– У меня с этим все в порядке. Во всяком случае, самая лучшая и передовая советская медицина никаких отклонений и болезней не обнаружила. Специально бегал и все анализы сдавал, еще и частным образом, чтобы записей в медицинской карточке не было. Я все-таки водила и подставляться нет стремления. Найдут и права отнимут... Да и не обнаружили ничего. Все в полном порядке. Вот только к счастью или на беду, мне снятся изредка сны. Очень четкие, яркие и подробные. На самые разные темы. Я даже записывал, а то потом все выветривается. Обязательно вручу почитать. Специально для тебя припас кое-что. С собой не дам. Хочешь – переписывай, хочешь – запоминай. Выйдешь за дверь – спалю. Следов не будет и почерка моего тоже. Он задумчиво посмотрел на Аксютину и продолжил: – В первый раз я не хрена не понял. Корабль тонет. Мало ли что приснится. А потом узнал про «Александра Суворова». И что дальше? Пойти и рассказать про очередной сон с жертвами, которые будут в будущем? Извини, я в психушку не хочу. И опыты на себе ставить не позволю. Брякнешь кому про эту историю – плюну в глаза и возмущенно завоплю, что это ты – псих. Я честно скажу, по заказу не получается и отнюдь не только про убийц серийных снится. Крайне любопытные вещи бывают, и делиться я ни с кем не собираюсь.

Аксютин нахмурился.

– Не понял.

– Ты ведь на меня копал, что там такое в прошлом было?

– Ты про лотерею? – подумав, спросил Евгений Васильевич.

– Вот именно. Посчитай вероятность. А я точно знал цифирки. Оно мне надо, чтобы заинтересовались компетентные товарищи? Сижу, примус починая, никого не трогаю. Даже помогаю. Тебе, например. Проще всего наплевать и не светиться. Просто по-человечески людей жалко. Ну и что – бомжи с проститутками. Сегодня Чикатило на них тренируется, завтра за нормальных людей возьмется. Да, собственно, и взялся. Расстреляют и правильно

сделают. На, – он кинул на стол обычную ученическую тетрадь, – изучай. И попробуй кому-то объяснить, что заранее знаешь подробности. Вот этот, – он перевернул страницу и ткнул пальцем, – Джумагалиев, в будущем году сбежит из-под стражи и опять убивать пойдет. Быстро поймешь про «материя первична, а все стальное вторично». Нас партия правильно учит – то, чего не было, не существует. Когда приятели пальцем у виска крутить начнут, а начальство заботливо предложит в отпуск, нервы полечить. Еще в древности говорили: «Нет пророка в своем отечестве».

Аксютин быстро перелистывал страницы, вчитываясь. Асратян Валерий, Николай Есполович Джумагалиев, Андрей Владимирович Сибирияков, Черёмухин Константин.

– Впечатляет, – сказал, наконец. – Особенно вот эта фраза:

«Фефилов до суда не дожил – 30 августа 1988 года его убили собственные сокамерники». Так если я его раньше повяжу, дата не проканает.

– Правильно. И люди оставшиеся живы, смогут своих детей нарожать. Такое занемательное вмешательство в будущее. Каково себя чувствовать почти Богом? И что делать? Поехать в Питер и убить гниду? Так ни адреса, ни дат не знаю. И посадят непременно за неспровоцированное нанесение травм несовместимых с жизнью. А я на зону не хочу, мне и так хорошо. Вот тебе сливаю – старайся. Будет еще, непременно позвоню. А нет, – он развел руками.

– И как это выглядит?

– Как, как... Утром встаю и знаю. Очень часто вещи совершенно мне не нужны. Хочешь, скажу, кто будет следующим президентом США? А дату разрыва дипломатических отношений Египта с Ираном? Говорят, существует такое общее информационное поле, куда поступает информация от всех жителей Земли. Видимо я во сне подключаюсь.

– Тогда, – прищурившись, сказал Евгений Васильевич, – ты бы знал, что люди сделали, а не про будущее.

– Тогда, придется признать мои доверительные беседы с архангелом. Я пророк! А пророков в своем отечестве не бывает. Их побивают камнями. Правда, столь непосредственное поведение осталось в прошлом. В нашем столетии колют разную химическую гадость, пока не залечат до состояния овоща. Ты себе такую судьбу желаешь? Я нет!

– Еще есть водка? – захлопнув тетрадь, спросил Аксютин.

– Для тебя – всегда, пожалуйста, – доставая еще одну бутылку из сумки, согласился Андрей. – Хорошему человеку ничего не жалко.

* * *

Андрей легонько постучал в плотно закрытую дверь и, дождавшись неразборчивого ответного бурчания, вошел.

Из четырех огромных комнат одна безгранично принадлежала хозяину дома и именовалась не иначе, как кабинет. Остальные члены семьи в нее проникали исключительно с разрешения. Считалось, что Дмитрий Иванович там работает и мешать ему нельзя. На самом деле, как подозревал Андрей, тесть прятался там, когда желал отдохнуть от слишком хозяйственной жены и потихоньку почитывал газеты. С работы он в жизни ничего еще не принес, кроме продуктов и с документами дома не работал. А в последнее время, наверху шли многочисленные рокировки начальства. Кое-кто вылетал с треском и шумом со своего насиженного места и Дмитрий Николаевич всерьез нервничал, регулярно скрываясь за заветными дверями и не желая отвечать на неприятные вопросы.

Тесть взглянул с удивлением, раньше зять не вторгался в его вотчину и кивнул на стул:

– Присаживайся.

Андрей внутренне ухмыльнулся. Определенная и немаленькая часть населения прекрасно знала, что «Садись», говорить не принято. Видимо, и этот в курсе, как обращаться к подследственным. Не всю же жизнь в генеральских погонах щеголял. Свиридов самолично вроде бы никого не сажал, но по смутным упоминаниям в Интернете, кроме всего прочего, курировал в конце 80-х комсомольцев. Как раз этот момент и был самым интересным. Жаль, точно выяснить подробности его работы на благо СССР не удалось, но намеки многообещающие.

Дмитрий Николаевич был страшно похож на дочь, вернее она на него, но то, что на мужском лице простодушного тракториста смотрелось неплохо, в женском варианте красивым не назовешь. А вообще, происхождения самого что ни есть крестьянского, чем искренне гордился и на снобизм собственной жены отмалчивался. Дома он тих и благостен, к Андрею вполне благожелателен.

Когда жених, наконец, объявился познакомиться, встретил его вполне дружелюбно и лишними вопросами не мучил. Для этого существовала вторая половина, закидавшая Андрея деловыми выяснениями подробностей семейной и трудовой деятельности. В результате, теща осталась страшно недовольна, и не забывала это при первом поводе и без всякого повода показать. Дело вполне ожидаемое. Он недаром тянул почти три месяца с визитом.

Первую неделю, после скоростного знакомства, они с Мариной просто гуляли. По вставкам, в кино, к знакомым студентам. Много говорили и еще больше целовались. Марина должна была привыкнуть и не дичиться. Тургеневского кавалера, платонически рассматривающего со стороны предмет страсти, из него не вышло. Да не к этому и стремился. Слегка подождав и получив недоумение про отсутствие новых заходов в постель, арендовал у Егорова каморку за обычную ставку в бутылку водки и начал водить туда регулярно девушку. Место достаточно нищенское, с дранными обоями, старыми, невесть с какой помойки шкафами и разболтанной кроватью. В воздухе висел запах красок, сигаретного дыма и плесени.

Не особо церемонясь, Андрей сдергивал застиранное до дыр постельное белье. Сбрасывал на пол матрац, там было гораздо удобнее, чем на скрипящих пружинах. Потом раздевал ее и приступал к основному действию. Она была удивительно послушной, и Андрей старательно вводил ее в этот новый и удивительный мир. Никаких вещей способных напугать. Никакой грубости. Достаточно новогоднего приключения. Тогда требовалось все проделать моментально, не оставляя пути для отступления. Продолжение уже другое дело.

В первый раз она стеснительно пыталась прикрыться одеялом. Какое-то время они боролись, пока Андрею не надоело, и он не перешел к активным действиям. Все свое умение, отточенное на студентках, приложил, но результата добился. Марина со временем перестала зажиматься и начала испытывать удовольствие от процесса.

Весила она совсем не много, и никаких проблем не возникало, даже когда требовалось держать на весу. Очень удобно было вертеть и руководить, посвящая в очередную позу и подсказывая движения. Ему нравилось расплетать косу и медленно расчесывать ей волосы. Нравилось видеть глаза, в которых поселилось новое знание и как Марина забывшись, начинала поскуливать от удовольствия, мотая головой с упавшими на лицо прядями. С каждым разом она становилась все раскованнее и уже не падала на кровать – делай что хочешь, а начинала его провоцировать на определенные действия, внимательно изучая результат.

На исходе третьего месяца она испуганно сообщила о беременности, и под играющие победный марш у Андрея в душе фанфары, была награждена особенно впечатляющим вечером, когда он трудился не хуже фронтовика, три года не видевшего женского тела. Пора было знакомиться с родителями. Теперь не отвертятся.

Что скандал был, Марина так и не сказала, но по отдельным обмолвкам, не сложно догадаться. Что у дочки кто-то появился, мать с отцом и раньше поняли, когда вместо того чтобы прилежно заниматься, та начала исчезать по вечерам из дома, а потом ходила, ничего

не видя вокруг себя. Другое дело, что таксист поразил мать в самое сердце. Не на такого мужа она рассчитывала.

Марина была поздним и любимым ребенком и Ирина Владимировна тряслась над ней не хуже наседки. Известие о беременности сразило наповал и чуть не довело до инфаркта. Пришлось будущему тестю взять ситуацию в свои крепкие, не смотря на уже предпенсионный возраст руки и быстренько добыть разрешение на брак, не ожидая положенные по закону месяцы.

Свадьба вышла тихая и без особого размаха. Мать Андрея зажималась, чувствуя себя не в своей тарелке рядом с высокопоставленными товарищами. Тесть, подвыпив, пустил скупую слезу и вполне дружески приобнял. Теща смотрела с самой натуральной ненавистью. Хорошо было исключительно Пашке, отвергшемуся от данной процедуры. Изначально Андрей именно его примеривал на роль мужа, но уж как вышло, так и вышло. Что ни делается, все к лучшему.

Гостей под полсотни и в загородном, хотя и вполне приличном ресторане. По новым замечательным временам, почти безалкогольная. Было какое-то указание, про одну бутылку на десятерых. Не то чтобы сильно хотелось напиться от ужаса, расставаясь с холостяцкой жизнью, но свадьба без водки – это не по-русски. Без драки, иногда, вполне обходятся, а без алкоголя совсем не принято.

Жить пока пришлось в их доме. В этом были свои преимущества и множество отрицательных последствий. Впрочем, Андрей не рассчитывал здесь долго задерживаться. Горбачев уже исполнял свои глупые песни о перестройке вовсю. НТТМ открывали повсеместно и чуть ли не в самый первый, он мгновенно пристроился, поставив впереди себя Валеру с Пашкой. Комсомольцам сам Бог велел деньги зарабатывать. На то они и активисты и передовой отряд советской молодежи. А у них за спиной можно было и свои дела крутить. Останавливаться на мелочевке Андрей не собирался.

Тесть вопросительно посмотрел на гостя поверх очков, отложив газету в сторону. Судя по странице, изучал он не очередную пламенную речь политического руководства, а обычные спортивные новости.

– Вы не могли бы посмотреть? – сказал Андрей, протягивая тонкую картонную папку.

Брови Дмитрия Николаевича удивленно поползли вверх, но переспрашивать он не стал. Открыл и приступил к чтению. Быстро пробежал глазами несколько абзацев, споткнулся на очередном предложении и, вернувшись назад, принялся внимательно изучать. Был серьезный шанс нарваться на гневную отповедь, но генерал при Ельцине засветился в правлении одного из коммерческих банков и изливает на зятя филиппики о чести, совести и высоком партийном долге вряд ли бы стал.

– Хм, – сказал Дмитрий Николаевич, отодвигая папку минут через двадцать. – Я, в принципе знал, что ты шустрый парень и на производстве деревянных ложек-матрешек или вареных джинсов не остановишься, но ты меня удивил. Вот это, – он похлопал рукой по листкам, исписанным цифрами, стрелочками и именами, – тянет либо на орден за заслуги перед Отечеством, либо на высшую меру за спекуляцию в особо крупных размерах. С конфискацией имущества. Смотря, как посмотреть на подобную деятельность. Сам писал?

– Конечно, – подтвердил Андрей. Пояснить, что в Интернете можно обнаружить только общие слова, а создавать саму схему и уточнять имена, цены и фирмы-производители пришлось с большим трудом, не стоило. Результат важнее.

– Кто еще в курсе?

– Павел, но в общих чертах, без подробностей.

– Хм, – глядя задумчивым взглядом следователя, прикидывающего, что именно сделать с подследственным, промышчал тесть, – Остапу Бендеру до тебя, с твоим размахом, очень далеко. Вместо того чтобы ловить приезжих и скупать у них поштучно всякое дефицитное

добро, рискуя нарваться на внимание милиции, ты хочешь изящно обойти всех, продолжая оставаться в рамках буквы закона. Правда есть еще дух закона, но он проявляется обычно, когда сверху гневно гавкнут. Ты явно прекрасно понимаешь подобные тонкости и ходишь по грани, ничего не переступая фактически. Красивая комбинация. Сначала предприятие обналичивает свои денежные суммы и ты получаешь четверть суммы из воздуха, благодаря тонкостям работы молодежного центра...

– Это уже решили без меня, – быстро сказал Андрей.

– Решить-то решили, но официальной бумаги еще нет, утверждают не раньше будущего года, а ты уже в курсе. Про отчисление пяти процентов от суммы маржи в пользу ЦК КПСС тоже в курсе? Киваешь... Само по себе крайне любопытно. Но ладно... Потом, в счет денежного долга, ты получаешь на заводах металл, дерево, отходы производства и прочее сырье. Им это гораздо приятнее, чем расставаться с деньгами, а тебе нужно для последующих махинаций.

Андрей поморщился. Как правильно было сказано раньше, чистым мошенничеством схема не являлась, и прозвучало неприятно.

– Меняешь за границей на компьютеры и прочую электронную тряпомудию, – продолжил тесть не обращая внимание на его гримасу, – завозишь домой и продаешь с трехкратной прибылью. Причем это на каждом этапе и без наличия собственного счета, не связываясь с валютой. Чистый обмен. Он глянул в бумагу и прочитал – бартер. Даже термин подобрал красивый. Bravo. Если брать сразу серьезное количество – дополнительная оптовая скидка. Возможно и пятикратная прибыль. Привезти из Азии, с Тайваня, вообще черт знает что получается. Еще раза в полтора дешевле. Ко всему еще, нормальное предприятие платит с прибыли до шестидесяти процентов в качестве налогов, а у тебя будет всего два. Далеко пойдешь, если не споткнешься. От меня-то что нужно?

«А то он не понимает», – подумал Андрей. Про лучшего друга он изначально был не в курсе, однако удачно вышло.

– Вы ж Памеровым семьями дружите, – закатывая глаза, сообщил вслух. – Можете приватно обсудить за... хм... чашкой чая... хоть в эти выходные. А Николай Павлович осуществляет общее руководство центрами от ЦК комсомола, являясь председателем попечительского совета объединения НТТМ. Да и сами, – Андрей хмыкнул, – серьезный вес имеете. А в сегодняшних обстоятельствах совсем недурно выйти с инициативой. Себя показать с самой лучшей стороны, как проводящего правильную политику и подхватывающего на лету указания партии и правительства. Все подробности, – после легкой паузы, продолжил, – объяснять не стоит. Ну, кроме заинтересованных лиц. Когда постановление вступит в силу, все вопросы в стране я решу без особых проблем. Предварительные договоренности уже существуют...

Андрей замолчал, дожидаясь реакции. Тесть поощряющее кивнул.

– ...но вот с выходом за границу, начинаются сложности. Пока я буду все согласовывать и мотаться по министерствам из одного кабинета в другой, месяцы пройдут. Информация уйдет на сторону, и найдутся умники ничего не придумавшие, но присосавшиеся к идее или вообще ее присвоят, а мне на дверь покажут. Я, – он посмотрел в глаза собеседнику, – готов и отблагодарить по-человечески, но ведь побоятся. Пришел неизвестно кто и просит визу на сомнительный документ. А без этого никак. Нужен человек, который знает все ходы и выходы, с серьезным авторитетом и прекрасно знакомый на высоком уровне. Чтоб не кинули в наглую. Ваши связи и знакомства стоят всех наших усилий и вложенных денег. Если хотите – называя прямо – я предлагаю равноправное партнерство и четвертую часть. Цены за границей, в среднем, раз в тридцать ниже тех, по которым можно продать здесь, если считать по официальному курсу.

– Компьютеры вещь дорогая. «ЕС-1840» 8 тыс. рублей и «1841» 12 тыс. рублей, – не заглядывая в Андреевы заметки, сказал Дмитрий Николаевич. – Импортные пойдут дороже. Уверен, что сможешь продать?

– Уверен, – твердо сказал тот. – Для этого и нужен Павел. Если просто впаривать железо, не каждый возьмет. В СССР закон об охране авторских прав не распространяется на программный продукт. Покупать правильные программы официально, требуется валюта. Мы обходим эту проблему элементарно. Надо ставить программу, которая позволяет пользоваться кириллицей. У него есть собственная и прошла проверку. Свой оригинальный русификатор редактора Word сделан в виде отдельной программы – add on software, – это он произнес на английском, – которая позволит владельцу оригинального пакета использовать его таким образом, что создается иллюзия, будто он и был сделан для двуязычного (русско-английского) пользования. При этом сохраняются все функции Word, но добавляются сортировка и прочее для русского алфавита. На самом деле, за такую программу, можно на Западе неплохие деньги зашибить, но там она никому нахрен не сдалась. А у нас пойдет на «ура». И после этого уже назвать спекуляцией, всю эту деятельность никак нельзя. Мы вложили в продукт свое научное решение. Что и требуется, по последним указаниям партии и правительства.

Тут уже поморщился тесть.

«Мы должны уделить большое внимание ускорению научно-технического прогресса», – сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Горбачев, – уже практически открыто издеваясь, заявил зять.

– Можно записать простейшие бухгалтерские программы, – после паузы продолжил Андрей, – для обучения и рисования – это удобно и прогрессивно. Автоматизация по Горбачеву. Хорошо смотрится. Даже компьютеризация школ, в свете реформы, неплохо будет выглядеть в отчетах. Союз сейчас способен проглотить огромное количество импортного продукта и платить. Кто-то из собственного кармана, а кто-то и из государственного, для предприятий. Самое время. Не я один такой умный, многие сообразят и кинутся в эту нишу. Но если мы будем иметь на руках договора о поставках хотя бы в ключевые министерства, вроде Образования, это поставит нас в первый ряд и даст возможность навязывать покупателям свои правила и цены.

– Откровенно.

– Ну, – разводя руками, согласился Андрей, – разговор у нас такой. Прямой. С глазу на глаз. Без партийного контроля и указания от жен. Можете отказаться, а можете и согласиться. Я честно даю весь расклад на блюдечке в расчете на взаимопонимание.

– И сколько тебе надо? – пристально глядя на него, спросил Дмитрий Николаевич. – Миллиона хватит? В зеленых бумажках. А потом прыг-скак и обнаружишь среди чистокровных предков-русаков еврейскую бабушку. На законных основаниях выедешь на ПМЖ. Причем не на родину выдуманных предков, а прямым ходом в город со статуей Свободы.

– Вот этого не надо... Если завтра сверху не гавкнут меня сажать, за все хорошее, то никуда уезжать не собираюсь. Там – все сто лет назад поделили и чужие без надобности. Здесь будет гораздо интереснее и перспективы очень широкие. Давно требуется экономику СССР реформировать. Все Генсеки это понимали и с приходом к власти начинали что-то делать. Давно ресурс дошел до края. Запланировали все вусмерть, а дефицит растет. Сегодня одного нет, завтра другого. В одном конце страны талоны на продукты, в другом продают никому не нужные вещи.

Он подумал и решил говорить откровенно.

– Оставлять все как есть – нельзя. Невооруженным взглядом видно, что отставание существует. Компьютеры – простой и ясный пример. Мы не тянем в сравнении с Западом. Выход в попытке перераспределить направления развития, обеспечив народ товарами не

по докладам, а на деле. Чтобы уменьшить количество недовольных и вынуть из них лишние деньги. А если для этого требуется в сферу услуг пустить частных – ничего ужасного не вижу. Оборонка и производство с банками остается у государства. При Сталине вполне существовали кустари и портные. Покупали за мизерные деньги лицензии и работали. Небо от таких страстей на головы не упало. Требуется НЭП, но без его сворачивания и это мое убеждение. Не каждый сможет крутиться, даже в новых условиях. Так что я за Горбачева. Единственное, что абсолютно лишнее – это гласность. Любые экономические реформы бьют по большим группам людей и если при этом, над ними не стоять с большой палкой и не затыкать рты, легко дожидаться забастовок и бунтов недовольных. Но это политика и я в нее не лезу. Моего мнения никто не спросит.

Что касается, сколько мне надо... Человек такая интересная скотина, что ему всегда мало. Есть «Запорожец», желает «Жигуль», а мечтает о «Волге». Из коммуналки в собственную двухкомнатную хрущевку – счастье. Ан, нет. Через десяток лет уже требуется улучшенная планировка, большой метраж и дача с огородом. Уж простите, если скажу неприятное, но жить с родителями в одной квартире всегда не сахар. И если у меня появится возможность честно сделать большие деньги и купить себе другую, а еще лучше особняк, я не стану задумываться.

Деньги существуют не для того чтобы хранить их под матрасом и всю жизнь трястись, не посмотрит ли на тебя недреманное око органов. Их, в первую очередь, необходимо тратить на расширение своего дела. Это значит еще и платить людям, работающим на тебя так, чтобы они были довольны. Во вторую, на себя. Но забывать это нельзя. Цель жизни не работа и не процесс загребания под жопу толстых пачек купюр, а в обеспечении нормальной жизни для себя и своей семьи. Своими руками, а не по чьей-то милости. Вот так. Вполне откровенно.

Дмитрий Николаевич долго сидел молча, барабанил пальцами по столу, потом спросил: – Четвертый – Валера?

– Сейчас без него никак не обойтись. Все придется прокручивать через НТТМ. Со временем можно и отпочковаться. Но тут требуется мохнатая рука, для прикрытия.

Андрей посмотрел на собеседника, постаравшись передать взглядом надежду на столь замечательную помощь. В принципе, генерал мог и подсуетиться. Третий лучше, чем четверть.

– Оставишь это, – приказал после еще одной длительной паузы тесть и похлопал рукой по папке. – Я поспрашиваю и подумаю.

Андрей кивнул с готовностью и начал вставать.

– Тебе нужен нормальный бухгалтер, – останавливая его жестом, заявил Дмитрий Иванович. – Чтобы все было чисто и в документах, и инструкциях собаку съел. Не девочка знакомая, а настоящий специалист.

Ага, понял Андрей, заодно и проконтролирует, куда деньги деваются. Чтоб не наи... с долей. Не самый худший вариант. Все равно человек нужен и не с улицы же брать. Когда появляются большие деньги, они невольно просятся в чужой карман. Бизнес на доверии не есть хорошо. Потом обязательно начинаются выяснения отношений и кто кому должен. Особенно, если вместо прибыли, обнаруживается реальный минус.

– Рублей пятьсот в месяц ему положишь. Потянешь? – прищурился тесть.

– Да. Хочешь много получить для начала много вложишь. Это нормально. Только специалист из вашей организации мне как-то не очень улыбается. Начнет еще постукивать для профилактики и от душевных забот.

– Не волнуйся. Из торговли и с большим опытом... хм... ведения документации. С цеховиками работал и очень качественно. Ну, ладно, – благосклонно кивнул, – иди!

* * *

Андрей вошел в свою (именно так – свою) комнату. Марина, как всегда, прилежно училась, сидя за столом. Повернула голову, улыбнулась и опять стала трудиться, что-то там выписывая из очередного фолианта.

Он, мягко ступая, подошел сзади и поцеловал ее в затылок, положив руки на плечи. Она благодарно потерлась щекой, почувствовав знакомый запах. Руки погладили плечи, потом правая скользнула ниже.

– Андрюша, я занимаюсь! У меня сессия на носу.

– Какая учеба?! Лето на улице в самом разгаре. Птички поют, не мешало бы на природу съездить.

Уверенная рука под аккомпанемент увещаний расстегивает пуговицы на рубашке и ныряет внутрь. Марина поняла, что учеба на сегодня закончена и, захлопнув учебник, встала. Руки стали еще нахальнее, попутно направляя ее к кровати. Андрей положил ее на спину и, расстегнув молнию, начал снимать джинсы. Они были в обтяжку, шли туго и Марина, невольно хихикнув над тяжелыми усилиями мужа, начала ему помогать, извиваясь и приподнимаясь. Наконец, совместными усилиями они остались голыми.

Он провел руками по внутренней стороне бедер, так что она невольно раздвинула их. Руки были нежные и ласковые. Хотя она прекрасно знала, что он при желании мог быть и жестким, а на спор кулаком ломал средней толщины доску. Тут бедра в момент оказались сжаты сильными руками, и Андрей одним движением оторвал Марину от кровати, перевернул и поставил на четвереньки. Ощущение мгновенного полета и не успела испугаться, как уже стоит на локтях и коленках. Коса упала вперед, на подушку.

В такие минуты она чувствовала себя мышкой, попавшей в лапы очень симпатичного, сильного кота. Зверек домашний и ласковый, но от этого он не перестает быть хищником. Начнешь дразнить – пожалеешь. Андрей прижался, поглаживая грудь. Не сильно нажал на поясницу, заставляя прогнуть спину и двинуть бедрами навстречу. Когда он проник внутрь, Марина в очередной раз представила, как он ее протыкает насквозь. Никак не могла привыкнуть к ощущению, и все казалось, что не поместится внутри.

В первый раз, ничего особенного она не почувствовала. Ни боли, как обещали книги, ни чрезвычайного наслаждения. В какой-то мере сыграла роль водка, создав временную анестезию, но когда Андрей ее стал регулярно водить на квартиру приятеля, она забеспокоилась. Да, было приятно и мужские ласки ей нравились, но ничего похожего на описанное в книжках блаженство, она не получала. Диких криков в самый ответственный момент, как в украдкой просмотренной «Эммануэли», тоже не наблюдалась.

Осторожно расспросив подружек, она долго колебалась, и тщательно подбирая слова, объяснила Андрею свою проблему. Как ни странно, он понял. В своей странной манере, совмещая несовместимые термины из пролетарского и образованного языка, сообщил, что у нее просто позднее заживание. Требуется прелюдия. Попросту, сначала приласкать и приголубить, желательно подольше, а потом уже еб... Иначе никакого удовольствия не будет. А общение мужчины с женщиной без этого самого смысла не имеет. Может быть потом, лет через сорок, когда здоровья не будет, а пока не стоит и пробовать.

Помогло. Правда, все равно приходилось долго настраиваться, но когда у него было подходящее настроение, Андрей долго и вдумчиво, со знанием дела играл на всех струнках тела, пока она уже переставала окончательно соображать и превращалась в похотливую кошку, вьющуюся вокруг своего довольного самца.

В свое время Марина навела справки не только о постельных проблемах, но и он нем самом тоже. Это было не сложно. Пашку в МГУ хорошо знали – компанейский парень и не

жадный, а деньги у него водились. Что в активисты комсомольские подался, никто в вину не ставил. Он не стучал, а при необходимости и помочь мог. А многие встречались и с его старшим братом, и хорошо о нем отзывались. Не смотря на разницу в возрасте, с братом он дружил по настоящему и за кривое слово в адрес Пашки однажды всерьез отлупил парня с параллельного потока.

Были и шероховатости. Марине не понравилась фраза однокурсника про то, что Андрей может достать все что угодно. Смахивало на фарцовку, а по ее глубокому убеждению, ничем хорошим это кончиться не могло. Надо было помочь осознать, что это не дело. Образование важнее. Андрей ее слова все больше игнорировал, ну да капля камень точит. Не всю же жизнь ему в таксистах сидеть. Должен был понять.

Крайне ей не понравилось упоминание, что он протоптал широкую дорожку в общежитие МХАТовских студенток. Проконтролировать его все равно нельзя, где он ездит неизвестно, но чужими духами от него не пахло. Все равно неприятно. Внешность свою Марина оценивала вполне реалистично. Не красавица, прекрасно знала. Вот тело вполне на уровне и Андрей об этом сообщал регулярно. Что интерес к постельным делам он продолжал проявлять постоянно и иногда в не самый подходящий момент, было приятно. Не за папиными привилегиями погнался, он про них и не подозревал вначале.

Андрей в очередной раз откатил свой таран и снова ударил. Внизу, в животе, рос горячий комок, разливаясь по телу. Она, не замечая этого, начала шептать: «Ой, мама, мамочка...», охотно отзываясь на движения и стремясь на встречу. Он начал двигаться все сильнее, уже на грани грубости и с рычаньем взорвался. Марина тихо охнула и обмякла без сил. Андрей позволил лечь и пристроился рядом, продолжая ее ласкать, и благодарно целуя. Губы скользили по мокрой спине, руки гладили каждый сантиметр тела.

– Иногда я ощущаю себя педофилом, – со смешком сказал он. – Ты такая маленькая, так удобно вертеть на х..., страшно заводит.

Марина поморщилась, благо он лица не видит, но промолчала. Давно уже усвоила, что Андрей вполне способен литературно объясняться при желании, но на попытки указать на подобные слова в речи, изображает удивленные глаза и делано изумляется. Впрочем, при родителях никогда и не брякал такого. А вот наедине не стеснялся называть все соответствующими выражениями. Иногда ей казалось, что он специально подчеркивает свое рабоче-пролетарское происхождение. Не понятно только зачем.

Он повернул ее на бок, сжал грудь. Марина слабо вздохнула, накрыла ладонью его пальцы и направила, куда хотелось. Андрей с энтузиазмом продолжил в указанном направлении.

В дверь постучали.

– Да! – недовольно крикнул Андрей.

– Тебя к телефону, – сказал голос Ирины Владимировны. – Срочно!

– Сейчас. Такой настрой сломала, – недовольно побурчал он, садясь на кровати и натягивая штаны. Обернулся и взглянул на жену. – Как думаешь, она слышала?

Марина смотрела на него с непередаваемым довольством счастливой женщины.

– Как минимум, один раз родители этим занимались. Я же родилась? Так что не обращай внимания. Возвращайся поскорей.

– Да? – сказал Андрей, беря телефонную трубку и почесывая грудь под неодобрительным тещиным взглядом. – Случилось что? А понятнее? Что значит не телефонный разговор... Ага. Дошло. Ладно, приеду, но если ты меня по пустякам дергаешь, в другой раз не рассчитывай. Сказку о пастушке и волках, знаешь? Сам туда иди!

Он повесил трубку и с ухмылкой, глядя в глаза теще, почесал уже в паху. Она гневно отвернулась и, излучая всей спиной негодование поспешно вышла.

А нечего слушать чужие разговоры, пожелал он ей вслед мысленно.

* * *

– Ну что у тебя за срочность? – спросил Андрей, входя в комнату. Когда чужие были в доме, они всегда тщательно проверяли, закрыта ли дверь. А вот матери опасаться не стоило. Компьютер ее волновал, как нормального мужика губная помада. Один раз, посмотрев на тетрис, она пришла к выводу, что все это для детей и пользы не дает никакой. Больше не интересовалась никогда.

– Смотри! – возбужденно пригласил Пашка, отодвигаясь в сторону.

– Ну, фотография моя, – недовольно констатировал факт Андрей. – Сижу за столом. Видно отвратительно. И что с того? Ты ж давно пытался написать программу, чтобы хорошее разрешение было. Не вижу с чем поздравлять. Пойди, возьми с полки пирожок в награду. Стащил меня практически с женщины, в самый важный момент, во время исполнения супружеского долга и морочишь голову. Оштрафую из твоей доли. Не бить же убогого за такие штучки.

– А теперь? – с торжеством воскликнул Пашка, выводя на экран статью, откуда и была взята фотография.

– Мда, – озадачено сказал Андрей, присаживаясь на корточки для удобства и внимательно изучая текст. – Хотел бы я знать кто такой этот Амбарцумян, которого я почтил своим присутствием на дне рождения. Ничего не поймешь в статье. За что такое внимание, хрен его знает. Известный предприниматель – это страшно расплывчато. Год, какой? 1989 г, – прочитал он. – Уже интересно. А увеличить можешь, чтобы рассмотреть остальных гостей?

– Ничего не получается, – с сожалением в голосе сознался Пашка. Расплывается и становится нечетким. Именинника фотографировали, а остальные просто как фон попали. Вот это, – он ткнул пальцем в сидящую в пол оборота женщину, – наверняка Марина.

– Похоже. Рост подходящий. И прическа ой-ой. На свадьбе что-то похожее соорудили. Тем более, я ее так дружески обнимаю, к сожалению загораживая лицо. Будем считать, опытным путем установлено, что в 1989 г мы по-прежнему ходим вместе на торжественные мероприятия. Не самый плохой вариант. Гораздо хуже было бы, если бы ты обнаружил фотку, где она меня бьет сковородкой по голове. Когда выскочило? – деловым тоном спросил Андрей.

– Вот как увидел, так и позвонил.

– Это значит почти сразу после разговора с тестем. Очень хорошо. Не иначе как трубку снял, как я за дверь вышел. С Палмеровым пообщаться. Дело сладится. Андрей замолчал, задумавшись. – Больше ничего нет?

– Ничего. Как увидел, так до твоего приезда искал. Пусто. И дальше мы не упоминаемся.

– Ну-ка подвинься. Попробуем с другого конца, – глубокомысленно сообщил брату, усаживаясь на стул. – Где у нас тут было? – набирая адрес сайта, спросил сам себя. – Ага, нашел...

– Зачем тебе это муть? – С недоумением спросил Павел. – Очередные конспирологи. Название недурно вставляет прямо сходу – «Заговор против СССР».

– Учись, пока я в настроении, – листая страницы, пробурчал Андрей.

– Надо уметь фильтровать бесконечные противоречивые потоки информации. Интернет отличается от советских газет тем, что пишут и выкладывают абсолютно противоположные вещи. Это тебе не двоичный код. Тут мозги требуются. Отдельные любопытные факты попадают в самых неожиданных местах. Всегда искать перекрестные ссылки на события... Вот он родимый!

– Кто?

– Тестюшко мой. Он тоже числится в рядах продающих страну иностранным врагам, состоя в заговоре. Тут вообще понакручено всякого разного, уши вянут, но нам важнее детали биографий разных гэбэшных деятелей, приводимые разоблачителями с горящими глазами. Деятели из комитета, чтоб ты знал, во всем виноваты. От падения метеорита, до прихода к власти Горбачева.

– Не масоны с жидами?

– Это другое направление мыслителей. Данные умники обнаружили врагов в совсем оригинальном месте. Все руководство КГБ спало и видело, как бы свергнуть советскую власть. Куда только смотрел отдел кадров?! А вообще заговоров по уничтожению светлого образа и самой правильной жизни было много, и освещаются в зависимости от личной неприязни автора. Если верить хоть половине подобных бредней, в Союзе каждый второй мечтал уничтожить страну, а начальники и каждый первый. Серьезных доказательств я так и не увидел, хотя им вроде бы положено гордиться замечательными успехами и регулярно пачками получать иностранные награды, с соответствующими формулировками. А рассказывать на всех углах о достижениях по уничтожению первого в мире пролетарского государства гордость должна была вельть. Неплохое достижение. Молчат суки. Не признаются. Впрочем, нам это и не нужно. Гораздо занимательнее текст, из которого следует, что Свиридов Дмитрий Иванович в 1991 г трудился, не покладая рук в Росхозбанке, переводя трудовые миллиарды трудящихся за границу на личные счета.

– Ну и что?

– А то, – с расстановкой сказал Андрей, – что в прошлый раз, когда я смотрел, банк назывался Кредитинвест. Я точно помню. А теперь у него альтернативная биография нарисовалась. Жаль, учредителей все равно не раскопать. В Интернете правду не скажут.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – сознался Павел. – Если изменение в будущем имеется, оно и дальше должно продолжаться. И где тогда мы?

– Ну, про разные гадости, вроде классического: «попал под извозчика», предполагать не хочется. Есть другой вариант. Представим себе, что я бросил камень в пруд, подкинув идейку Дмитрию Ивановичу. Круги пойдут, но не мгновенно. Чем дальше, тем менее заметные. Вроде логично? Изменения вдаль не появятся сразу, надо регулярно смотреть. Через недельку заглянем, проверим.

– А в «Назад в будущее» – мгновенно проявлялось!

– То фильм, – задумчиво протянул Андрей. – Выдумка. А здесь ничего не понять. Постигаем жизнь опытным путем, тыкая практически наугад. Вот Чернобыль не гакнул – это наша с тобой заслуга? Сработал донос, о подлом поведении безответственных умников, подкрепленный цитатами из документов или вся эта радость нас ждет обязательно в будущем? Мы не черта не знаем. Даже насколько все написанное у нашего пророческого ящика, правда, а не высосано из пальца. Есть факт. Что-то случилось. Объяснений, я прямо сходу, выдумую несколько. Даже по результатам государственного расследования не всегда поймешь, что произошло. У людей, работающих в ней, имеются собственные интересы. Производитель заинтересован свалить катастрофу на человеческий фактор. Его техника или прибор, если и плохо работал, так все равно он лично ни в чем не виноват. Министерство ищет крайнего на предприятии. И так далее, и тому подобное. Нет, даже у среднего советского человека уже выработалась врожденная способность читать между строк, но написана ли реальная причина сбоя в тексте? Пойди, отличи правду от сказки или специально запущенной байки. Приятнее считать, что хоть один раз срослось. Меня в церковь абсолютно не тянет, но хотелось бы, если за гробом что-то существует, учли заслуги. За прошлые и непременно авансом за будущие грехи. Будем думать, что мы сделали благое дело. Тридцать один погибший сразу, полторы сотни с тяжелой формой лучевой болезни – не жильцы на свете и сто пятнадцать тысяч переселенцев, не считая радиоактивных осадков. Нет тысяч

людей с патологиями и наследственными болезнями. И ведь никому не расскажешь!!! Этого не было!!!

– Ладно, – посмотрел Пашка на него сверху вниз, – хватит. Столько раз обсуждали, совершенно не лежит душа, в очередной раз пережевывать. Мы сделали для людей, а не для себя. Как смогли и как расстарались. К сожалению не супермены и всех спасти невозможно. А уж благодарности и тип в синей маечке, от газет не получал. Они на нем сенсацию делали и тиражи повышали. В одном Нью-Йорке в сутки, наверное, пару десятков серьезных происшествий, если не больше. Везде не успеешь. Приступаем к воплощению собственных интересов. Я правильно понял, твой генерал дал добро?

– Обещал подумать и пинками из кабинета не гнал, с проповедью строительства коммунизма на устах. Я подумал клюнул, а теперь на все сто уверен. Мужик, и в той жизни, неплохо устроился. Он сука не столько моим моральным обликом интересовался, сколько волновался, чтобы я не сдернул за бугор. Плохо отразится на карьере. Зять невозвращенец – это вылет на пенсию и даже деньги не утешат. Вроде я его успокоил. Ничего особо оригинального ведь не предлагал. Все в рамках. На год-два раньше и схема проверенная. Да и фотка мне нравится. К известным, гы, предпринимателям, с улицы на дни рождения не приглашают. А я в первых рядах, прямо, как белый человек.

Из происходящего можно сделать очень интересный вывод. Будущее меняется в момент определенных действий и даже решений. Хотя решение тащит за собой действие и это взаимосвязано, так что где курица, а где яйцо без пол литра не разобраться. Это и после тренера было ясно, сейчас имеем четкое подтверждение. Мы выясним результат нашего вмешательства заранее. Это очень важно и многообещающе. Считай опытным путем доказано – изменения идут не только от действий, но и при принятии определенных решений, выходящих за рамки прошлого. Или будущего, – подумав, поправился.

– Короче, хрен знает, где начало или конец, но наши действия уже влияют. Как минимум на нашу жизнь через много лет, но мы ведь автоматом цепляем и знакомых. И даже совершенно незнакомых людей.

Мы уже влияем и это крайне интересно. Изменения потащат за собой другие. Все это, – Андрей показал на экран, – чрезвычайно зыбко и надеяться на полное соответствие нельзя. Есть серьезный шанс сломать историю. К сожалению, не просчитаешь ничего точно. Будем по ходу смотреть.

Так что труба зовет, пришло время. Кончилось моя таксистская жизнь. На сберкнижках у нас двадцать тысяч, под три процента. Не помню точно, но что-то вроде. От этого и пляшем. Для начала хватит. Хотелось бы больше, но я всегда предпочитал не рисковать всерьез. Что есть, то есть. Гораздо лучше, чем в дверь постучат ногами и приведут понятых. Очень жалко, что нет серьезных выходов на Запад. Полтора лимона слупить в будущем году и плевать на всех.

– Откуда это? – с недоумением в голосе спросил Пашка.

– А то не знаешь. Скачки в Лос-Анджелесе. Самый большой выигрыш в истории США. Миллион шестьсот двадцать семь тысяч долларов с центами.

– А куда прошлого победителя девать?

– А... Ты прав. Не полтора миллиона, а восемьсот тысяч, да еще на двоих делить – это ж такая мелочь! Выигрыш пополам делить придется, но ему и так много. Живет уже там, гражданство имеет – пусть идет работать честно!

Они дружно заржали.

– Ладно, – отсмеявшись, провозгласил Андрей, – про мелкоспекулянтскую деятельность забыли. Переходим на новую ступеньку – повыше и на законных основаниях. Валеру еще подоить не мешает. Пусть вносит свой вклад. Помещением, мебелью, ну и что там надо для наличия конторы. Телефоны, ручки, арифмометры... Все оформить бумажками,

чтобы при любом раскладе осталось за нами. Вместе завтра пойдем к комсомольцу, перетрем подробности. Пан-инвест звучит?

– Это что значит?

– Павел плюс Андрей. «Пан». Не нравится, придумай лучше. Ничего стоящего в голову не приходит. Вот МОРГ – московская организация развития. Замечательно звучит. Все будут пугаться.

– Российское техническое сотрудничество. РОСТЕХ. Вполне нейтрально.

– Нехай будет РОСТЕХ. Без разницы. Дело не в названии, а в наполнении фирмы содержанием. С кем сотрудничать, а кого и погнать. Пока что, я сказал – Вперед – в будущее!

1988 г

Заявление Горбачева о политической реформе и о выводе войск из Афганистана. *Процесс пошел.*

Армянский погром в Сумгаите, ввод войск в Ереван. *А это уже ни в какие ворота. Жуть. Насмотрелся на свою голову. И что теперь с пацаном делать?*

Закон о кооперации. *Пришло время!*

Угон Ту-154 семьей Овечкиных, штурм силами МВД четыре жертвы. *И что детей грохнуть заранее? Пусть Аксютин думает.*

Резня турок-месхетинцев в Узбекистане. *Туда я не ходок. Ни одного знакомого в чуркестане.*

Взрыв состава с взрывчаткой в Арзамасе. *Думать. Подробности.*

Угон самолета с заложниками-детьми из Минеральных Вод в Израиль. *Без нас вернут.*

Спитакское землетрясение в Армении (45 тыс. жертв). *Опять Армения. Натурально подсказка. Надо помочь. Амбарцумян, говоришь?*

Выпуски событий из Интернета с комментариями Андрея.

* * *

Андрей поднялся по ступенькам и толкнул хорошо знакомую, облупленную дверь. За эти годы ничего не изменилось. Внутри все также остро пахло мужским потом. С непривычки неприятно, но ему навеяло воспоминания о прежних добрых временах, когда ни о чем сложном не задумывался. Ностальгия, как у белогвардейцев, рыдающих в ресторане. Не столько о прошлом, сколько о молодости и о бьющей через край энергии. Тогда и паршивая водка казалась верхом удовольствия, а небо было голубее и трава зеленее. Не то, что сейчас, когда на звезды некогда смотреть.

На него с удивлением взглянули, уж слишком хорошо одет, но подходить не стали. Надо будет – сам скажет, зачем заявился. На ринге отрабатывали удары. На матах старательно проводили простейшие приемы подростки, а в углу несколько парней тягали железо. Он с удовольствием вспомнил про былые сто двадцать килограмм и попенял себе, что совсем забросил тренировки. В здоровом теле – здоровый дух, а он уже начал жирком обрастать. Ничего нового, в этом деле, пока еще не изобрели. Из допингов разве что алкоголь, пресекаемый жесткой рукой тренера. Сплошная физическая работа, что вовсе и не плохо. Только готовый тяжело трудится, не подстегивая себя химикалиями, сможет пробиться выше. Худобедно, а из ихней секции вышло несколько известных спортсменов.

– Кого я вижу, – сказал, подходя, старый знакомый, – нас посетил великий деятель. Андрей Еременко собственной персоной. В газетах пишут про подвиги на Кавказе. Людей вывозил. Похвально, что не только деньги заколачиваешь. И что привело сюда? Вроде лет пять прошло с последнего визита?

Андрей обрадовано улыбнулся. Приятно, что тебя помнят, Владислав Станиславович многим помог в свое время. Как бы к этому не относится, но для большинства местных парней его спортивная секция давала отдушину. Чем жрать водку и ходить по улицам, мечтая набить морду очередному встречному, лучше уж заниматься спортом. Выйдет или нет, но будешь чувствовать себя в жизни увереннее. А примеры добившихся своего и выскочивших на более высокий уровень, что позволило им смыться из города, перед глазами имелись

вполне реальные. Теоретически все местное руководство это понимало и относилось к нему и его идеям неплохо, но практически жила секция, чуть ли на одном энтузиазме заслуженного тренера СССР.

Не смотря, на свои далеко за пятьдесят, он был еще крепкий дядька. Без особых усилий мог свернуть в бараний рог любого хулигана. Впрочем, связываться с ним боялись. Несколько поколений его воспитанников вполне могли вписаться за старого знакомого и голову оторвать физически, а кое-кто уже и в начальство пошел. Владислав Станиславович этим никогда не злоупотреблял, но при необходимости мог и обратиться к бывшим ученикам. Да и не только к ним. У партийных товарищей и в милиции тоже дети имелись.

Андрей пожал крепкую руку и возразил:

– Намного меньше.

Он, пару лет назад, в хорошо знакомом Поморском университете, вербовал для своих дел, выпускников факультета иностранных языков. Общаться с иностранцами требовались переводчики. Без знания языка было тяжело. Пашка еще мог читать по-английски и что-то понимал, пока не начинали быстро говорить, а у него в аттестате была красивая тройка. Даже не со словарем, а пустое место. Учителя натянули оценку, опасаясь испортить школьные показатели.

Особенно требовались знатоки английского, но на всякий пожарный подобрал и с немецким, и со скандинавскими. Потом пригодилось. Со шведами РОСТЕХ крепко задружился. Молодые переводчики были хороши готовностью много трудиться за приличные деньги, но случались и сложности. В профессиональных терминах они не понимали ни бельмеса, и от части пришлось со временем избавиться. Остались наиболее упертые и старательные, зато и держались за удачное место всеми силами.

Был вариант набрать людей в Москве, но, подумав, отказался от него. Всегда лучше брать со стороны. Старательнее и благодарны ему будут. Да и у него, не отлаженное предприятие, где каждый знает свое место. Все в процессе становления и требуются самим преодолевать возникающие трудности. Прекрасно видно кто чего стоит и на кого не рассчитывать. Провинциалы гораздо больше заинтересованы, им на блюдечке ничего не преподносят. Кроме того, в родных местах и справки о человеке легче навести.

– А, это, безусловно, все ужасно меняет, – подмигивая, согласился Владислав Станиславович. – По делу или так?

– Поговорить надо. А там сами решите. Может серьезное дело, а может просто ничемное.

– Ну, пойдём, ко мне. Побеседуем. Эй, – заорал он в сторону ринга, так что Андрей вздрогнул, – Руки выше держи!

Эту манеру Андрей прекрасно помнил. Все видит, все знает, но если орет, значит неплохо. Если еще и с матом – очень хорошо. С бесперспективными он себя так никогда не вел. Разговаривал тихо и вежливо. И, между прочим, никогда не гнал. Не всем быть чемпионами, а крепкие мускулы в жизни пригодятся. Андрей мата ни разу не удостоился, но орал тренер на него, в свое время, знатно.

В тесной каморке, с вымпелами и грамотами на стене, Андрей плюхнулся на стул.

– Ничего не изменилось? – спросил Владислав Станиславович.

– Здесь – нет. А вообще очень много. Про закон «О кооперации в СССР» слышали?

Тренер неопределенно хмыкнул.

– Ты-то раньше всех успел подсуетился. Передовик, активист и разложенец. Еременко не редкая фамилия, но теперь достаточно известная. В вашей школе на доске почета висите. Он откровенно рассмеялся. – Привезти пару ПК по линии министерства образования и моментально из памяти испарилось знание о твоём поведении и оценках. У нас про тебя с братом легенды рассказывают и завидуют. И говоришь теперь не так. Совсем омосковился.

«Не в первый раз сообщают, озабоченно подумал Андрей. Неужели так в глаза бросается? Речь еще ладно, в Москве косят на Архангельск, здесь на Москву. А вот брякнешь иногда что-то про происходящее, люди всерьез удивляются. Это ж произвольно, перечитал про будущее, а у них там думают и говорят иначе».

– Да и видок у тебя. Фу-ты ну ты. Фирма. Дипломатик кожаный притащил. Аж завидки берут.

– Все это нажито честным непосильным трудом, – разводя руками, сообщил Андрей. – Полито трудовым потом и стоило мне километров нервов. Поэтому я очень хорошо представляю себе, чем это пахнет, – серьезно продолжил он. – Уже сталкивался. Когда появляются большие деньги, как плесень вокруг вырастает и множество народа, желающего присосаться к источнику. Делать они ничего не делают, только мешают, но рот раскрывают очень широко. Куда там, акулам, сбегаящимся на запах крови. Так и норвят кусок пожирнее отхватить. Когда это чиновники, вроде в порядке вещей. Не нами заведено платить и не на нас закончится. Хуже, когда появляются мордатые парни в спортивных костюмах и требуют делиться. Чем больше будет кооперативов, тем хуже станет обстановка. Статью Уголовного кодекса, объявляющую предпринимательство уголовным преступлением, не отменили. Не применяют, но всю эту деятельность никак не регулируют. Невозможно вести дела хоть что-то не нарушая. И получается... Приходят ребята с вот такими кулаками, – он показал размер на манер хвастающегося уловом рыбака, – и говорят: «Делись!» А жаловаться некуда. Милиции все эти разборки не интересны и видят они в очередном кооператоре наглого спекулянта, которого и проучить не грех.

– А оно не так? – с насмешкой спросил тренер.

– Бывает и так. Вот только он такой же гражданин и подданный страны. И право имеет на защиту. Мало ли кто мне не нравится, я ж ему дверь не поджигаю ночью и на порог не сру. Если кому-то там, наверху, охота, в очередной раз, найти источник классовой ненависти и виновного во временных проблемах и вечном дефиците, то не дело милиции плевать в лицо терпиле. У них свои обязанности. Хуже всего то, что, таким образом, менты сами выращивают себе проблемы. Не заплати – подожгут, изобьют. Остальные посмотрят на результат обращения к государству и начнут платить. Все эти кооператоры, очень скоро, начнут кормить уголовников. Жирно кормить. Малой долей рэкетеры не ограничатся.

А дальше – нас ждет Америка тридцатых. Выстрелы на улицах, безнаказанность и взятки все выше. Уже не по тихому, а открыто. И размер такой, что нынешнее поколение цеховиков изумится. Частным фирмочкам крышу делают урки, а не как раньше партийцы с ментами. И все это совершенно безнаказанно. Снизу до верху. Одни работяги будут кряхтеть и платить. Именно на них и переложат все дополнительные расходы.

Сегодняшние дела, через несколько лет, покажутся детскими играми. И милиция возьмет на лапу, и партия возьмет. Да что там уже берут. Они обычные люди и жить хотят хорошо. Платить по счетам придется потом, когда прикажут дела закрывать на убийц и воров. Деньги брал? Отработай! И армия захочет вкусно кушать, да сладко спать. Мы не в Латинской Америке проживаем, военного переворота не будет. Наши генералы только и умеют щеки надувать, да солдатиков припахивать бесплатно.

Они за идею в бой пойдут? Да никогда! Думаете, кончилась лафа с Указом Президиума Верховного Совета СССР о прогрессивном налогообложении кооператоров? Написали, что кооператоры платят подоходный налог наряду с другими категориями населения тринадцать процентов, пока сумма их доходов не превысит пятьсот рублей. Свыше пятисот рублей налог составит тридцать процентов, плюс сколько-то процентов свыше семисот рублей, плюс семьдесят процентов – с доходов сверх тысячи и еще девяносто процентов с каждого рубля сверх полутора тысяч. Подписали и вздохнули с облегчением. Нет. Вот теперь и начнется.

Оно мне надо работать двенадцать часов и получать ровно столько, сколько на заводе? Все будут скрывать доходы, и воровство станет массовым. Дело в целом привычное. Те же услуги, но без оформления. Или напишут в документах сумму в три раза меньше, а остальное из рук в руки. А где прячут от государства, там и рэкет. Не будут кооператоры вкладывать деньги в производство. Не для того старались. Завтра выйдет постановление о сворачивании всей лавочки, и они останутся с голой задницей, а оборудование достанется государству? НЭП уже был. Повторения боятся. С самого начала надо было ставить определенные условия, а не бляеть сейчас про раздражение рабочих перед чужими заработками. Будут огромные левые деньги, и будет заинтересованность чиновников. Она уже есть!

– С такими прогнозами революцию делать пора, – хмыкнув, сообщил Владислав Станиславович. – Пора подвозить снаряды к «Авроре».

– А кто этим займется? Самые энергичные пойдут либо в кооператоры, либо в бандиты. Им это нафиг не нужно. Наоборот, грудью встанут на защиту нового порядка. Основная часть будет просто пить и на жизнь жаловаться, но пальцем не двинет, чтобы что-то изменить. Скажете не так?

– Вполне возможно. Не наблюдаю никого, способного звать на баррикады. И что предлагаешь? Приехал-то не зря. Явно мысль в голове крутится. Любопытно, какая.

– Есть идея. Как и рыбку съесть и на х... сесть. Причем, не только для меня. У РОСТЕХа, – помолчав, сказал Андрей, – крыша гебешная. Серьезные люди. Проблема в том, что это хорошо в пиковых случаях. А если ночью машину угнали или грузовик с товаром на дороге тормознули борзые ребята, так концов не найти. Не их это забота – в ментовку обращайся. А те, то ли будут шевелиться, то ли нет. Даже позвонят, так красные из вредности шевелиться не станут. Они друг друга всю жизнь недолюбливают.

Получается два уровня. На верхнем – все замечательно. С договорами, поставками и налоговыми органами никаких сложностей. Ни низшем – вечные запутки. Нужна своя служба безопасности. Телохранители, охрана объектов, сопровождение грузов. Даже своя гоп-компания, способная дать отпор очередным любителям легкой поживы. Не звать на помощь, когда уже поздно, а иметь под рукой. Чем в бандиты парни пойдут, – он кивнул в сторону двери, – лучше за нормальные деньги приличной работой заниматься. Да, сразу много не будет, но зарплата повыше, чем где бы то ни было. За риск надо платить. А он будет. И чем подбирать на улице очередного ушибленного Афганом, на всю голову, гораздо лучше получить совет от знающего человека. Отмороженные мне без надобности.

– К Мусе не заходил? – нейтрально поинтересовался тренер. – Крышу комитетскую предложишь. Не жизнь начнется, а сплошной праздник. Грабь – не хочу!

– Сначала к вам, – честно сознался Андрей. – Мимо него все равно не пройдет и совершенно не обязательно ссориться с... хм... старым знакомым. Ну, вы ж сами все понимаете.

Совсем не просто было выйти на нужного человечка в погонах. Зато теперь у него в чемоданчике были любопытные протоколы. Есть что Мусе показать. Его контакт захотел самостоятельно подработать и влип на контрабанде. Гашиш уже не заграничные тряпки на продажу, за это наматывают большой срок. Вовремя предупредить – большое дело. А лишняя благодарность и грамота от начальства офицера раскрутившего дело волновала гораздо меньше, чем возможность перебраться из семейного общежития в нормальную квартиру. Требовалось обеспечить звонок сверху, и жилплощадь совершенно неожиданно обнаружилась. Вчера не было, а сегодня есть. Не деньгами одними жив человек. Еще и возможностью подарить сыну генерала старый «Мерседес». На новый он еще не отработал.

– Свой человек в городе необходим, – пояснил Андрей слушателю. – Я ему услугу, он мне ответную. Вполне по-советски. Могу парочку полезных советов не по-коммунистически дать. Без лозунгов, но с перспективой. В Москве многие вещи по-другому смотрятся. У меня планы дальние и интересные. И прямой грабеж в них не входит. Но оно ведь и к лучшему

для всех. Горючий материал увезу. Здесь спокойнее станет. Нормальные парни необходимы, желающие прилично получать, не боящиеся разборок и без садистской жилки. Ну... где-то так. Мы останавливаться на достигнутом не собираемся. Будем, и в дальнейшем расти. Так что карьера для сообразительных возможна. Новые наборы тоже. А я, со своей стороны, готов помочь секции. Спортивные снаряды, форма, ремонт.

– Вот это, – сказал тренер, – было лишнее. Покупаешь.

– Нет, – убежденно заявил Андрей. – Если помогаешь кому-то просто так, один раз – это нормально. Да вот беда, приходит снова и считает, что так будет и в дальнейшем. Ему надо, а ты старайся. Любые деловые отношения должны быть взаимовыгодными. Чтоб не спихивали тебе, «на тебе Боже, что, мне не гоже», а честно делились. Не мне вас учить, но ничего плохого я в этом не вижу. Не слепой, заметил, что проблемы имеются. Сколько лет ремонт в помещении не делали? Почему не помочь их решить?

Андрей небрежно похлопал по чемоданчику.

– Хотите, оформим все самым надлежащим образом, а желаете, просто так выдам. Вы ж не шантрапа, на дело пустите, а иногда проще с людьми слева договориться.

Владислав Станиславович откинулся на спинку и с интересом посмотрел на него.

– Думаешь, деньги решат все?

– Здоровья не дадут. Все остальное – запросто. И, – он поколебался, затем продолжил, – чтобы недоразумений не было – анархии и вольницы не будет. Есть у меня уже несколько человек под это дело. Бывший начальник ГУВД района, бывший начальник отдела ОБХСС и трое оперов с земли.

– Пили?

– Не без этого, – миролюбиво согласился Андрей, – но и начальство задолбало. Раскатали губу на сыскное агентство, а оказались в серьезном пролете. Опять законодательно ничего не оформлено. Вроде и можно, а ничего нельзя. Следы за неверными женами, да собачек разыскивай потерянных. Жить на это не получается. Вот я сделал предложение, от которого сложно отказаться. Мне нужен ЧОП...

– Чего?

– Частное охранное предприятие. Они организуют – я плачу. Так что еще и смотрины будут. Раскидают парней по подразделениям, согласно наклонностям и подготовке. Дело не мгновенное и раньше такого не было, но хорошо смотрится. Уж баловать не дадут. Ну, все вроде, – вздохнул он с облегчением. – Думайте и решайте. Я в гостинице «Турист» остановился. Пару дней побуду.

В дверь без стука заглянул парень с поломанным носом. На будто грубо вытесанном топором лице смотрелось странно. Возникло ощущение опасности, усиленное не маленькими габаритами фигуры.

– Привет, – сказал он, дружелюбно скалясь. Нервные дамочки без привычки к его роже, непременно попадают в обморок.

– Здравствуй Олег, – обрадовано сказал Андрей вставая. Протянул руку. – Как жизнь?

– По-прежнему бьет ключом и все по голове. Он пожал руку и демонстративно почесал нос. – Требуется присутствие, – сообщил тренеру.

– Ну, вот тебе и кандидат номер один, – заявил Владислав Станиславович. – Тем более он тебе прекрасно знаком. Открывай чемоданчик и приступай к искушению.

– Это вы о чем? – недоумевающее спросил Олег.

– Он объяснит, – кивнув на Андрея, сказал Владислав Станиславович. – Завтра зайду. Уговаривать никого не стану, но подсказу, – подвел он черту под разговором и вышел.

* * *

Телефон звонил, когда Катя, шваркнув дверь о стену в сердцах, вернулась от редактора. Он ее окончательно достал своими нотациями. Так не ходи, так не гляди, вот здесь исправь. А слышала ли ты про эпохальную статью в «Правде»? Как будто, кто-то в стране, мог совершенно случайно, о ней не узнать. Даже слепые и глухие прекрасно в курсе. Нет, название классное – «Кобры над золотом», но этот самый В. Овчаренко не сам проявил инициативу, расписав «хлопковое дело» в подробностях. Так дела не делаются, уж это она прекрасно знала.

Пришло указание с заоблачных высот, и показали материалы следствия журналисту. Попробовал бы он что-то написать в том же духе по собственной инициативе! Моментально с волчьим билетом оказался бы на улице. Все это прекрасно понимали и каждый дурак из районной малотиражки рвался настроичить что-нибудь интересное о коррупционерах и партийном начальстве. Соревнование устроили. Кто гадость пороскошнее выкопает и тиснет на первой полосе.

Подавай главному редактору свежатину. А то все не знают про эту чушь. Подумаешь, спецмагазины! Даже для иностранцев не тайна. Весь город и вся страна живет по благу и по знакомству. Один лучше устроился, другой хуже. Кто может с работы тащит, кто имеет возможность много. Всегда так было и вечно будет. Этого уберут, нового назначат. Так еще хуже. У предыдущего все было схвачено и он себе, жене и детям уже квартиру с машиной на каждого члена семьи отхватил. А пришедший на его место нуждается, и снова тянуть будет. А все это их воздуха не появляется. Если в одном месте убыло, то в другом месте не появится. Начальники в общих очередях не стоят.

Раз написала, два настрочила... Уже в приличные дома не пускают – опасаются, а этот кобель требует новье и чтобы оригинально. Высосать из пальца что угодно можно, но дурой смотреться она не желает, ни под каким соусом. Исключительно точные факты. Не из-за совести, а потому что такие вещи имеют обыкновение неожиданно всплывать. Сделать себе имя совсем не просто, а вот погубить репутацию в момент. С одного плевка. Потом будут пальцами показывать. Надо это ей? Абсолютно нет!

Да еще козел смотрит масляными глазами, прямо так и раздевает на ходу. Ставит при всех показательно клизму, за неисполненное невыполнимое задание (заранее сука знал – невыполнимое, половину самолично вычеркнул), внушительно грозя пальцем и цитируя дословно, глубоко уважаемого и дорогого Михаил Сергеевича. Тьфу! Постеснялся бы остальных коллег. Раньше точно так же Брежнева цитировал и бегал за приказаниями в горком. А тут раздухарился. Гласность, демократия...

Да она бы и дала, не жалко, но плешивый под пристальным наблюдением жены, работающей тут же, в отеле писем и не посмеет. Потому и противно. Смотреть будет, полапать втихомолку постарается, а получить с него можно исключительно шиш. Вот, тоже, влипла. И уйти некуда, нигде не ждут, и оставаться противно.

Она сорвала трубку противно дребезжащего телефона и раздраженно рявкнула:

– Да! Я.

Замолчала, слушая, и удивленно переспросила:

– Кто-кто? Ой. Не узнала – богатым будешь. Конечно! В шесть буду.

Повесила трубку и задумалась. В комнату зашли коллеги, возбужденно что-то там обсуждая, но она не воспринимала звуки, лихорадочно соображая. Шесть лет прошло, и вдруг появился. Это не спроста. Кое-что о братьях Еременко она слышала и раньше, но особо не интересовалась. Они где-то там, она здесь. Ходил слух, что миллионами ворочают. Даже

мелькнуло где-то, про совещание на высоком уровне, на котором Горбачев что-то одобрительное промямлил о несущих новые веяния в школы при помощи компьютеров.

Навязываться смысла не имело. Да и раньше думать надо было. Тогда она мальчика легко привязать к себе могла, но воспринимала всю эту историю, как шутку. Всерьез крутить любовь не собиралась. Не обидно никому и приятно, да еще и деньги платят. Она ж не всерьез сказала, а Андрюха в карман полез моментально.

Так что услышала новость, вздохнула и забыла. Через столько лет появиться с криком: Здрасти! – это просто нарваться на посылание во всем известный адрес. Даже если проделают вежливо, толку не будет. Ничего не поделаешь. Где Москва, а где родной город. Разошлись пути-дорожки.

В 1982 г на горизонте болтался будущий муж, и он смотрелся, во всех отношениях, гораздо интереснее. Квартира, машина, неплохое место и приличная зарплата. Свекровь проживала в другой квартире, что тоже немаловажно. Да и не прогадала, если честно. Он, кроме своей работы, ничем не интересовался, углубленно буравя что-то там по химической части, в своем НИИ. Полная свобода, при минимальных обязанностях.

Сидеть дома быстро стало скучно, но идти в школу Катя, с самого начала, не собиралась. Еще не хватает жизнь себе портить. Совершенно случайно нашла место в областной газете. Здесь было гораздо интереснее и люди, в основном, не глупые. Еще неплохо, что день ненормированный. Иногда в туалет сходить некогда, а иногда, времени хоть жопой кушай. Всегда есть возможность исчезнуть, вроде бы по делам общественным, но выполняя собственные желания.

И кто бы мог подумать, что Андрюха так прыгнет? Когда в первый раз услышала – не поверила. Он, безусловно, не дурак, но уж больно широко шагнул, за короткий срок. Тут без Фортуны, ласково поцеловавшей в лобик, не обошлось. В таких делах одного таланта и ума мало. Везение нужно и знакомства. И вот звонок...

Не спроста это... Ой не просто так это жу-жу. Что-то Андрюхе надо. Сентиментальностью он раньше не страдал, а чисто девицу снять, так не требовалось разыскивать служебный телефон. Есть способы проще. Через того же Олега. Чтобы к старому приятелю не наведалься, раз уж в город прикатил, никогда не поверю. И значит что, девица-красавица? – спросила она себя. А то. Прилетел мой лотерейный билет. За него еще заплатить надо непременно, но выпасть может серьезный выигрыш. Выглядеть надо хорошо и по-деловому. Рот не раскрывать по-пустому, на шею не вешаться. Цена мне немалая и он это сходу должен усвоить. Иначе использует и выбросит. Так что показать себя необходимо в лучшем виде и соображать на ходу. А там, как Бог даст.

В ресторан она пришла в строгой белой блузке и черной юбке. Туфельки на невысоком каблуке. Формы подчеркнуты, красивые лодыжки показаны, но без пошлости и крикливости. Чуть-чуть макияжа. В целом, создавалось впечатление деловое и очень привлекательное.

Дружески поцеловала в щеку, отметив запах дорого мужского одеколona, и уселась напротив. Костюм на нем из очень не дешевых и сшитый на заказ. Уж в этом Катя прекрасно разбиралась. Ботинки итальянские, на руке дорожные японские часы. Неизвестно, какие там миллионы, но деньги серьезные. В здешней глуши такие не водятся.

Андрей сильно изменился. Не постарел, какие там годы, тридцатника еще нет, но морщины под глазами и поведение уверенного в себе человека, привыкшего командовать. От него прямо таки несло энергией и мощью. Глаз зацепило обручальное кольцо. Вполне ожидаемо. Верить, что все годы мечтал и приехал объясниться в любви сверхглупо, но стало слегка обидно.

Они дружески болтали, вспоминая старые времена, он отпускал слегка двусмысленные комплименты. Катя вежливо улыбалась и с аппетитом поела заказанные хозяином блюда.

Официантка предупредительно появлялась по первому зову, и тащила блюда, не заставляя ждать.

Катя отметила, как он обращается с ножом и вилкой. В общаге таких талантов за ним не наблюдалось, да в те годы она и сама не подозревала, как пользоваться столовыми приборами. Когда есть ложка, вилка, единственная кастрюля и один приличный кухонный нож на четырех девчонок, о вопросах этикета задумываются только больные на голову. Пришлось самой постигать высокую науку, уже будучи замужем. Назло свекрови, смотревшей на деревенскую невестку свысока. Сука. Не из деревни она, из райцентра. А вот его, явно кто-то учил.

– И как работа? – небрежно спросил Андрей, отодвигая тарелку. – Ты ж была такая амбициозная и честолюбивая, а сидишь в мелких репортажах.

– Я и сейчас не прочь прославиться, – игриво подмигнула Катя. Про себя она подумала, что справки он навел всерьез. Не просто телефончик спросил, а подробностями интересовался. – Зацепить подходящую тему, чтобы было что предъявить и двинуть в Москву. Там есть, где развернутся. Не наша посконно-домотканная сонная глушь.

– Так много есть таких шустрых, – лениво возразил он. – Все думают, что в столице медом намазано. А она людей с большими ожиданиями не любит. Прожует и выплюнет. Как говорится: «Москва слезам не верит».

– Не скажи... Если внимательно посмотреть, так девять из десяти известных людей выходцы из провинции. Везде. Артисты, ученые, политики. Она открыто улыбнулась. – Даже кооператоры. Мы, за свое место всех раздавим. Москвичам от рождения все на блюде, потому они и ленивы на подъем и дела, а нам дорогу пробивать приходится. Стараться, чтобы выделиться из окружающих. Не каждый решится бросить налаженную жизнь и ехать в неизвестность. Не у всех получается. Это как бы, – помолчала, подбирая слова, и продолжила, – бежит рота на пулемет. Он поливает атакующих свинцом, и добегают единицы. Тут мало одного таланта, еще и удача нужна. Везение. Иногда залечь в воронку, переждать и ползком, пока не обратили внимания на дистанцию броска. Немногие выживают в атаке на хорошо укрепленные позиции. Там все давно занято и чужаков отстреливают с большим удовольствием. Не хотят благами делиться. А все равно, сидеть на попе, ничего не получишь. Надо рисковать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.